
Тень, ключ
и мятное печенье
Алексей Котейко
18+

Агентство «Зелёная лампа»

Алексей Котейко

Тень, ключ и мятное печенье

«Автор»
2025

Котейко А.

Тень, ключ и мятное печенье / А. Котейко — «Автор», 2025 — (Агентство «Зелёная лампа»)

Девушку из высшего общества находят мёртвой в портовых трущобах. Состоятельная дама уверена, что привидения пытаются выжить её с мужем из недавно купленного дома. Жертва несчастного случая оставляет странное наследство, не успев назвать имя того, кому оно завещано.В агентстве «Зелёная лампа» считают, что клиент – это всегда клиент, каким бы странным, фантастическим или безумным ни был конкретный случай. Здесь берутся за самые разные дела – иногда даже за такие, от которых отмахнулись пастыри душ и блюстители закона. У Лайоша Шандора и его компаньонов свои методы работы; возможно, порой необычные, но в большинстве случаев действенные.Впрочем, бывают и исключения.

© Котейко А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Агентство «Зелёная лампа» 5
Глава 2. Шепчущие тени 11
Глава 3. Несостоявшееся завещание 16
Глава 4. От чердака до подвала 22
Глава 5. Автоматоны доктора Меершталя 28
Глава 6. Вопрос принципа 33
Глава 7. За миг до смерти 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Алексей Котейко
Тень, ключ и мятное печенье

Глава 1. Агентство «Зелёная лампа»

Гнилая Гавань в полной мере оправдывала своё название: вонь мусора и дохлой рыбы, скопившихся между покосившимися заброшенными причалами, давала о себе знать ещё за пару кварталов от порта. В самой же гавани запахи, казалось, въелись даже в камни. Молодой секретарь, сопровождавший господина Ла-Киша, поморщился и прикрыл было нос платком, но под недоумённым взглядом шефа немедленно убрал платок в карман.

Всему виной был, конечно же, туман. Он на закате пришёл с моря, пополз вверх по реке и заполнил прибрежные кварталы города мутным серо-жёлтым маревом. Звуки и запахи в этой пелене разносились далеко, а вот увидеть что-нибудь дальше пяти-шести метров было затруднительно. Поэтому господин Ла-Киш, сюретер Тайной канцелярии, стоял сейчас прямо над тем, что на первый взгляд можно было бы принять за кучу старых спутанных сетей. Если бы не одно «но»: из кучи за край причала безвольно свешивалась тонкая бледная рука. Женская, насколько можно было судить в неверном свете фонарей.

Фонари держали в руках два констебля, одетые в форменные непромокаемые плащи и высокие, суживающиеся кверху, кожаные шляпы с козырьками. С козырьков время от времени срывались собравшиеся на них капельки туманной мороси, но констебли с невозмутимым видом продолжали стоять по обе стороны от сетей с трупом и глядели строго перед собой.

– Кто первым обнаружил тело? – хмуро поинтересовался Ла-Киш, опираясь обеими руками на трость.

Левый страж щёлкнул каблуками.

– Жетон семь-два-три-один, – отчеканил он. Секретарь быстро делал карандашом пометки в блокноте.

– Кого-нибудь заметили поблизости?

– Никак нет, господин сюретер.

– Что-то слышали?

– Никак нет, господин сюретер.

– Тогда какого лешего вам тут вообще понадобилось?

Констебль замялся. Его напарник едва слышно хмыкнул. Сюретер повернулся к нему и вопросительно изогнул бровь.

– Жетон три-восемь-два-шесть, – представился тот. – Смею доложить, господин сюретер, он спустился сюда по нужде.

Секретарь остановился, не зная, записывать ли такие сведения. Ла-Киш чуть заметно кивнул головой, и карандаш снова побежал по бумаге.

– Вам что, уборных мало?

– Смею доложить, господин сюретер, ближайшая уборная – два квартала, у часовни Мерло.

– А подворотни все были заперты? – иронически поинтересовался сюретер.

– Смею доложить, господин сюретер, – решился первый констебль, – в переулках подловить человека за таким делом легче лёгкого. А у причала незаметно не подкрасться.

Ла-Киш задумчиво постукивал пальцами по набалдашнику трости. Страж был прав, в Гнилой Гавани потерявший бдительность констебль рисковал стать мёртвым констеблем.

– Откуда вы пришли? – спросил сюретер. Жетон семь-два-три-один указал на узкий проулок, втиснувшийся между двумя заброшенными пакгаузами, и выводивший как раз к тому причалу, на котором они все сейчас стояли.

В этот момент в проулке что-то зашевелилось, и сквозь клочья тумана к группе мужчин поплыл тёплый огонёк карманного карбидного фонарика. Когда он приблизился, стало видно, кто несёт этот новый источник света. Человек был высоким, худощавым, в цилиндре и пальто, которое он, несмотря на промозглую сырость, не посчитал нужным застёгивать. Пришелец остановился перед сюретером и свободной рукой приподнял цилиндр:

– Господин Ла-Киш.

– Господин Шандор, – отозвался сюретер, однако так и остался стоять, опершись обеими руками на трость.

– Простите за беспокойство, можно сказать вам два слова наедине?

Ла-Киш, склонив голову на бок, секунду-две рассматривал собеседника, потом кивнул и отошёл с ним в сторону. Метрах в двадцати от констеблей и секретаря, исчезнувших за пеленой тумана, Шандор остановился и вполголоса спросил:

– Гарольд, вы позволите мне осмотреть тело до того, как его увезут?

– Дорогой Лайош, – вздохнул сюретер. – Для начала мне хотелось бы узнать, какого лешего вас занесло в здешние края сегодня вечером. Только не говорите, что имеете привычку гулять тут именно в это время.

– Не скажу, – на губах Шандора мелькнула и тут же пропала тень улыбки. – Зато я скажу вам, чьё это тело.

– Если я позволю его осмотреть?

– Даже если не позволите. В сущности, вы это и без меня узнаете, но так ведь будет быстрее.

– Хорошо. И кто же она?

– Мадемуазель Эвелина Санду.

– Этого ещё не хватало, – поморщился Ла-Киш. – Дочь советника Санду?

– Младшая, – кивнул Лайош.

Оба помолчали. Трость сюретера задумчиво чертила по камням мостовой путаные узоры.

– Скверно, – наконец выдал он. – Ну-с, а вы какими судьбами здесь?

– Вы всё равно не поверите, что совершенно случайно.

– Не поверю.

– Хотя это правда, – Шандор потёр указательным пальцем переносицу, которую пересекала сеточка из нескольких старых шрамов. – Её батюшка нанял меня, чтобы я проследил за новым ухажёром мадемуазель. Чем-то он советнику не понравился.

– И как, успешно?

– Вряд ли «успешно» применимо к нынешней ситуации. Но – да, я выяснил, кто он.

– И кто?

– Вы ещё не дали разрешения осмотреть тело.

Сюретер исподлобья быстро взглянул на собеседника. Сыщик стоял к нему вполоборота, глядя туда, где за туманом были скрыты пристань и труп.

– Допустим. Кто этот ухажёр?

– Клерк из Сити. Абрахам Тропс.

– Действительно, странный выбор. Что вы о нём выяснили?

Шандор пожал плечами.

– Имя, место работы, место жительства. Они встретились сегодня за ланчем, и с тех пор я следовал за ними обоими, а затем за господином Тропсом.

– Где он живёт?

– Пансионат мадам Чи, на Дубовом Холме. Труповозка вот-вот приедет. Вы хотите, чтобы осмотр превратился в шоу? Или просто намерены отказать мне в последний момент?

Сюретер опять задумчиво побарабанил пальцами по набалдашнику трости. Потом пальцы цепко сомкнулись на металлическом шаре, и Ла-Киш кивнул:

– Ладно. Но вы так и не сказали, каким образом оказались здесь именно сейчас, вечером.

– Мне позвонил советник Санду и сообщил, что мадемуазель Эвелина не вернулась домой.

– И откуда вы знали, где её искать?

– Оттуда, что они с господином Тропсом после ланча отправились как раз на эту самую пристань.

– С чего бы… – непонимающе нахмурился Ла-Киш, но осёкся на полуслове.

Взгляды сюретера и сыщика встретились. Тёмные глаза Лайоша Шандора смотрели внимательно, настороженно – и печально. Он кивнул в ответ на невысказанный вопрос.

– Я бы тоже скорее ожидал, что они снимут номер в отеле. Но у каждого свои предпочтения.

Стражи всё так же с невозмутимым видом стояли на карауле с фонарями в руках. Секретарь, воспользовавшись отсутствием шефа, всё-таки закрыл нос платком, спасаясь от ароматов Гнилой Гавани. Сюретер отправил обоих констеблей обследовать соседние причалы, а секретаря – встретить труповозку. Едва Ла-Киш и Шандор остались у тела вдвоём, сыщик начал свой осмотр.

Он опустился на колени и осторожно повёл раскрытой ладонью над рукой, высовывавшейся из спутанной массы старых сетей. Ладонь двигалась в нескольких миллиметрах от тела, но не касалась его, а тем временем глаза сыщика стекленели, мутнели, словно сознание покидало Шандора. Взгляд стал бессмысленным, рот чуть приоткрылся, и Ла-Киш невольно подошёл на шаг ближе, опасаясь, что Лайош может упасть с причала в воду.

Теперь уже обеими руками сыщик медленно, словно раздвигая ряску на поверхности пруда, водил над скрытым сетями телом. Голова в цилиндре склонилась, подбородок упёрся в грудь. Рот закрылся, на высоких скулах от напряжения проступили желваки. Шандор дышал часто, мелко, будто принюхиваясь к едва уловимому аромату. Сюретер потянул носом воздух – вокруг по-прежнему пахло только гнилым деревом и тухлой рыбой.

Наконец, сыщик медленно выдохнул и тяжело поднялся на ноги. Руки его безвольно повисли вдоль тела, взгляд всё ещё был затуманенным. Ла-Киш с нетерпением ждал. С трудом шевеля пересохшими губами, Шандор произнёс:

– Мятное печенье.

– Что-что?

– Мятное печенье.

– И что это значит?

Сыщик покачал головой.

– Пока не знаю.

– Есть предположения, от чего она умерла? – поинтересовался сюретер.

Шандор в задумчивости потёр указательным пальцем переносицу, несколько раз сильно зажмурился и снова открыл глаза. Взгляд его быстро становился прежним – внимательным и слегка настороженным.

– Вы посчитаете это бредом. Но, по-моему, она умерла от эйфории.

– Звучит и вправду безумно, – согласился Ла-Киш. – Однако я слишком долго вас знаю, чтобы сразу списать вашу версию со счетов. Эйфория? Не страх? Я бы скорее поверил, что человека можно напугать до смерти. Но… обрадовать?

– Эйфория, – кивнул Шандор. – Это первопричина. Всё, что случилось потом – лишь последствия.

* * *

Мостовые заполнял поток деловитых сосредоточенных пешеходов, а проезжую часть в обоих направлениях занимали многочисленные кэбы, паромобили и омнибусы. С лязгом и скрежетом миновав поворот, к остановке подкатил двухэтажный трамвай, на штангах которого, словно маленькие звёздочки, то и дело вспыхивали электрические искры. Со второго яруса, осторожно ступая по круто изогнутой лесенке, спустилась девушка. Постояла несколько секунд, изучая вывески и номера домов, и направилась на север, к верхнему концу улицы.

Девушка была невысокой и совсем юной – в чертах её лица ещё проскальзывало что-то детское, хотя фигура в сером пальто, расчерченном на квадраты тонкими коричневыми линиями, уже сменила подростковую неуклюжесть на очарование женственности. Из под серо-коричневой клетчатой кепки, какие обычно носят рыбаки, на плечи падал водопад медно-рыжих волос; зелёные глаза внимательно читали названия многочисленных магазинов и контор, мимо которых проходила девушка.

Она успела миновать небольшой тупичок между домами, но номер на следующем доме заставил её остановиться и повернуть назад. В тупичке, перегороженном высоким забором с запертой на висячий замок калиткой, было только несколько мусорных баков, да пожарная лестница, тянувшаяся к двери на уровне второго этажа. Девушка поднялась по гулким чугунным ступеням и обнаружила возле двери латунную табличку:

«Агентство «Зелёная лампа»

Л. Шандор и компаньоны»

Она постучала, и на донёсшееся изнутри сиплое: «Входите, не заперто!» открыла дверь и шагнула внутрь.

Помещение конторы было небольшим, с единственным полукруглым окном на противоположной от входа стене. Перед окном стоял массивный письменный стол, ещё два располагались слева и справа, боком к первому. Первый стол пустовал, зато два других занимали компаньоны Лайоша Шандора – и посетительница сразу поняла, почему сыщик предпочёл именно обтекаемое «компаньоны», а не имена. За обоими столами сидели не люди.

Справа, ближе к входной двери, располагался драконид. Для этих уроженцев и хозяев Южного континента средний рост составлял два метра, но компаньон Шандора был крохотным даже по человеческим меркам: немногим больше метра. Одетый в свитер крупной грубой вязки, он замотал шею толстым шарфом, а на голову нацепил вязаную шапочку с опущенными ушами. Драконид, окинув гостью взглядом чёрных, словно агат, глаз, продолжил прерванное занятие: он ложка за ложкой сыпал сахар в исходящую паром большую кружку.

– Дверь закройте, барышня. Холодно, – попросил он уже знакомым сиплым голосом.

– Простите, – девушка прикрыла за собой дверь. – А господин Шандор?

– Вышел ненадолго, скоро вернётся. Присаживайтесь, – предложил драконид, указывая на небольшой продавленный диванчик, стоявший слева от входной двери.

– Если торопитесь, можете нам изложить своё дело, – донёсся из-за другого стола низкий голос с явственными мурлыкающими нотками. Второй компаньон сыщика положил на стол газету, которую читал, а поверх газеты, одна на другую – руки.

Руки были короткопалыми, заросшими коричневатой шерстью, и – как помнила посетительница из школьного курса биологии – имели втягивающиеся когти. Такая же шерсть покрывала лицо говорившего, образуя причудливый полосатый узор, и только миндалевидные глаза были обведены белоснежным контуром. В полумраке конторы зрачки этих глаз были круглыми и такими же чёрными, как у драконида, но на свету – это девушка тоже помнила из школьных уроков – превращались в узкие вертикальные щёлочки.

Муримур был одет в рубашку с подвёрнутыми до локтя рукавами и синий бархатный жилет с вышитыми золотой нитью узорами. Компаньон сыщика иронично приподнял губу, продемонстрировав внушительный желтоватый клык, и поинтересовался:

– Барышня не любит кошек? Предпочитаете собак?

– Нет, почему же, – девушка уже успела прийти в себя, и природное упрямство взяло верх над провинциальной нерешительностью.

– По какому вопросу вам нужен господин Шандор?

– Это ведь его объявление? – она порылась в небольшой кожаной сумочке и достала газетную вырезку. – «Требуется секретарша, работа преимущественно в офисе, иногда сопровождение на выезде. Стенографирование, умение печатать на машинке будут преимуществами. Оплата сдельная, график 5/2».

Драконид и муримур переглянулись.

– Эм… – нерешительно протянул первый. Но тут дверь открылась, и в конторе появился сам сыщик.

– Вот, Лайош, барышня заинтересована в вакансии секретарши, – отрекомендовал посетительницу муримур.

– Добрый день, мадемуазель. Или мадам?

– Мадемуазель. Виола Энне.

– Вы в самом деле заинтересованы в вакансии?

– Да. Правда, я думала, речь идет о какой-то конторе.

– Всё верно. Мы – контора частного сыска, – Лайош подхватил стул, стоявший у стола драконида, и, поставив его напротив мадемуазель Энне, уселся, закинув ногу на ногу. Несколько секунд он внимательно рассматривал девушку, затем вдруг спросил:

– Давно вы в городе?

– Три дня, – слегка опешив, ответила та. – Как вы узнали?

– Вы всё ещё пахнете морем.

Девушка не нашлась, что сказать, а Шандор, помолчав, продолжил:

– Где остановились?

– В пансионе «Сирень». В Садах Табачников.

Сыщик кивнул, словно с чем-то соглашаясь. Потом заговорил деловито, даже немного суховато:

– Пять крон в день, работа на выезде – крона сверху. На вас будет забота о порядке в конторе, приём звонков, документация, и так далее. Вы умеете стенографировать?

– Немного.

– Вам нужно будет записывать беседы с клиентами, не упуская ни одной детали. Это важно. Можете применять любые системы, свои собственные сокращения – главное, чтобы потом, при перепечатывании на машинке, ничего не было упущено. Печатаете на машинке?

– Да.

– Замечательно. Проблемы с законом?

– Никогда не возникали.

Муримур фыркнул. Лайош бросил в его сторону недовольный взгляд, но компаньон уже снова скрылся за развёрнутой газетой.

– Да, простите. Позвольте представить: господин Равири Те Каеа, – Лайош раскрытой ладонью левой руки указал на драконида. Тот отсалютовал девушке своей кружкой. – Господин Абекуа Вути, – сыщик, также раскрытой ладонью, но теперь правой рукой, указал на муримура. Тот опустил газету и кивнул, продемонстрировав в широкой усмешке теперь уже два клыка. – Мои компаньоны. Завтра в девять часов ждём вас.

– Вы даже не спросили, согласна ли я на ваши условия, – в тоне Виолы проскользнули нотки разочарования.

– Вряд ли вы проделали путь через половину города только для того, чтобы прицениться. Думаю, вам точно так же нужна эта работа, как нам – хорошая секретарша. Даже, – тут глаза

сыщика заговорщически блеснули, – если вы на самом деле не владеете стенографией и не умеете печатать на машинке…

Мадемуазель Энне покраснела, но прежде, чем она успела что-либо сказать, Лайош закончил:

– …вы нам всё равно подходите.

– Он у нас эксперт, – иронично просипел Равири, делая глоток из кружки. – Тьфу. Всё равно горький получился!

Глава 2. Шепчущие тени

Когда-то Овражки были скоплением переулков на крутых склонах левобережных холмов, прямо у крепостных стен. Здесь в маленьких домиках, тесно прижавшихся один к другому, селились гарнизонные офицеры и мастеровые, обслуживавшие крепость. Со временем цитадель потеряла своё оборонительное значение, большую часть старых стен и валов срыли, проложив обсаженные каштанами бульвары, а взамен крохотных домишек и лабиринта проходных двориков появились отдельно стоящие особняки в окружении ухоженных садов.

С тех пор Овражки заняла старая аристократия – те, кто с гордостью прослеживал свой род едва ли не до момента основания города, либо те, кто получил свой титул ещё во времена, когда на стенах цитадели несла постоянный дозор бдительная стража. Впрочем, в последние лет пятьдесят на смену некоторым прежним жильцам, чьё семейное древо окончательно ушло в небытие, стали являться новые. По большей части это были дельцы, сколотившие капиталы в промышленности, в банковском секторе или на бирже, так что коренное население Овражков смотрело на таких соседей с неудовольствием, а их неприятностям радовались если и не напоказ, то уж за глаза точно.

Лайош Шандор и Виола Энне выбрались из кэба напротив несколько запущенного, но всё ещё красивого и добротного дома, построенного лет двести назад. Сыщик сверился с визитной карточкой, которую накануне днём принесла в контору горничная. К карточке прилагался весьма щедрый гонорар – только за то (как поясняла надпись на обороте визитки), чтобы глава агентства «Зелёная лампа» посетил потенциальную клиентку лично.

– «Поместье Роуз-Холл, мадам Ульм», – он вытащил из кармана жилетные часы с двумя продольными вмятинами на крышке, сверился с ними, и спрятал обратно. – У нас ещё пять минут. После вас, мадемуазель, – Шандор придержал калитку.

Сад явно начали приводить в порядок, но ножницы садовника ещё не коснулись большинства розовых кустов, подаривших поместью его название. Несмотря на позднюю осень, среди уже поникших листьев кое-где сохранились одиночные бутоны – алые, жёлтые, белые. Эти последние цветы выглядели странно и чужеродно, только усиливая ощущение уныния и тоски от окружающего пейзажа.

– Понадобится немало денег и времени, чтобы привести тут всё в приличный вид, – заметил Лайош, шагая по дорожке. Камни в ней в основном были старые, позеленевшие от времени и дождей, но в некоторых местах попадались и уложенные совсем недавно.

– Хозяева стараются, – заметила Виола.

– И не хотят, чтобы старания пропали даром.

Дверь им открыла уже знакомая горничная, которая немедленно провела визитёров в гостиную. Здесь навстречу гостям из кресла у камина поднялась пухленькая женщина с замысловатой причёской. Сложное сооружение парикмахерского искусства было призвано сделать даму визуально выше ростом, но вместо этого скорее придавало ей сходство со сдобным пирожным, украшенным завитками крема. У мадам Ульм были тонкий голосок, временами скатывавшийся в едва слышный шёпот, и заплаканные глаза.

– Всё, что я вам хочу рассказать, чистейшая правда! – с порога заявила она. Затем смутилась и добавила растерянно. – Добрый день, господин Шандор.

– Мадам Ульм, – сыщик снял цилиндр и изобразил вежливый полупоклон. – Моя ассистентка и секретарь, мадемуазель Энне. Не волнуйтесь, пожалуйста, и расскажите, что именно произошло.

– Меня выживают из дома.

– Враги? Соседи? Родственники?

– Привидения.

Удивление промелькнуло на лице сыщика, но спустя мгновение оно вновь приняло спокойное и участливое выражение.

– Мадемуазель Энне, – Лайош приглашающе указал Виоле на одно из свободных кресел.

– Да-да, присаживайтесь, прошу! – засуетилась мадам Ульм. – Выпьете чего-нибудь?

– Благодарю, не стоит беспокоиться. Итак, привидения?

– Да, – хозяйка наполовину села, наполовину упала без сил в своё кресло, и вытащенным из кармашка кружевным платочком принялась промокать глаза, снова наполнившиеся слезами.

– Может быть, в таком случае, вам следовало пригласить фратера?

– Мы уже приглашали. Трёх! Они прочли молитвы, освятили весь дом, но это ни капельки не помогло.

– А Канцелярия?

– Когда святые отцы ничего не смогли сделать, мы обратились в Канцелярию. Они прислали двух констеблей и сержанта, те осмотрели весь дом – и ничего не нашли.

– Почему же вы считаете, что я смогу что-то сделать?

Мадам Ульм замялась, но затем, теребя в руках платочек и упорно не желая встречаться с сыщиком глазами, тихо-тихо забормотала:

– У вас… у вас есть определённая репутация, господин Шандор.

– В самом деле?

– Да. Про вас говорят, что вы уже решали загадки, существование которых не признавала Церковь. И помогали людям, когда от их просьб отмахивались в Канцелярии. Я очень надеюсь, что вы поможете и мне.

– Пожалуйста, расскажите про ваших привидений.

Женщина легонько вздрогнула и впервые с того момента, как села в кресло, встретилась взглядами с Шандором. Тёмные глаза сыщика смотрели внимательно и спокойно, но куда важнее оказалось то, что в них не было и тени недоверия к услышанному. Виола с удивлением заметила, что мадам Ульм перестала всхлипывать, и что пальцы женщины уже не так нервно и быстро перебирают платочек. Затем хозяйка заговорила:

– Мы с мужем купили этот дом полгода назад. До того он два года простоял пустым после смерти последнего жильца. Через месяц после покупки мы переехали сюда, и поначалу всё было прекрасно. Затем рабочие, которых мы наняли для ремонта западного крыла и оранжереи, стали жаловаться на недомогания. Муж решил, что они просто хотят набить цену, и уволил их, взяв другую бригаду. Но всё повторилось. А потом ещё раз. До сих пор оранжерея и западное крыло стоят не отремонтированными. Похожая история получилась и с садом: у нас сменилось уже пять садовников, но сад так и не привели в порядок.

– А где ваш муж?

– Он уехал на две недели по делам. Собственно, – мадам Ульм поколебалась, но потом всё-таки решила, по-видимому, быть откровенной, – он не хотел, чтобы я обращалась к кому-либо после того, как у нас побывали фратеры и констебли. Сказал, что всё это лишь игра воображения, и ни к чему придавать ей значение. Но это не воображение, я знаю!

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Простите, что приходится заставлять вас вспоминать пережитое, но мне важно знать все подробности. Вы тоже испытывали недомогание, как работники?

– Нет. Хотя в последнее время меня не оставляет гнетущая тоска, но, наверное, осенью в нашем городе похожие чувства терзают многих. Однако я видела тени в дальних комнатах, которые пропадали, стоило мне приблизиться. И слышала разные странные звуки! Шаги этажом выше, в совершенно пустых помещениях. Вздохи. А однажды ночью – крик.

– Не мог кричать кто-то снаружи?

– Нет, это точно было внутри дома. А ещё, – мадам Ульм глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки, но вместо вздоха получился отчаянный всхлип. – А ещё голоса!

– Голоса? – Шандор легонько кивнул Виоле, и та подчеркнула это упоминание в записях.

– Да. Они шепчут.

– Шепчут в какое-то определённое время? В каком-то конкретном месте?

– Обычно это происходит вечером. Несколько раз было ночью. В разных местах – за ужином в столовой, в библиотеке, в спальне.

– Не было ли чего-то повторяющегося в тот момент? Ну, скажем, вы всегда сидели, или стояли. Или, может быть, начинали засыпать?

– В столовой? – мадам Ульм с удивлением посмотрела на сыщика.

– Почему нет, люди от усталости могут уснуть где угодно.

Она понимающе кивнула.

– Нет, ничего такого. В столовой это было за ужином, и голоса слышал также муж, а ещё горничная, прислуживавшая нам. В библиотеке я читала, это был совсем ранний вечер, только-только начали сгущаться сумерки. А в спальне это случилось за полночь, я уже спала, но проснулась, словно меня разбудили. В тот раз я отчётливо видела тень – это была человеческая фигура. Она стояла в углу спальни, возле камина, и могу поклясться – смотрела на меня. Когда я зажгла лампу, тень пропала.

– Фигура была мужская или женская? – сыщик снова кивнул, делая помощнице знак отметить в записях и этот пункт.

– Мне показалось, что женская. Но было темно, я видела только силуэт в лунном свете.

– В лунном свете… А вы не замечали, звуки и тени появлялись при разных фазах луны?

Мадам Ульм растерянно заморгала, на миг даже забыв про свой платочек. Потом пробормотала:

– Я не обратила внимания… Но, знаете, между этими случаями было по нескольку дней, иногда больше, иногда меньше – думаю, это всё-таки не было связано с фазами луны.

– А что насчёт погоды? Не было ли в тот момент тумана, дождя, сильного ветра?

– Простите, – мадам Ульм вконец растерялась, и даже повернулась к Виоле, словно надеясь найти у неё поддержку, – но этого я не помню.

– Хорошо, – Лайош подбадривающе улыбнулся. – Эти шепчущие голоса враждебны? Агрессивны?

– Нет. Скорее… печальны.

– Тогда почему же вы считаете, что они хотят выжить вас из дома?

– Каждый раз после этих случаев меня охватывал такой страх, что хотелось бежать прочь без оглядки. Когда я проснулась и увидела тень в спальне, до утра не смогла сомкнуть глаз – муж отпаивал меня чаем с ликёром и успокаивал. Будь я тогда дома одна, наверное, сразу же уехала бы в отель.

– Понимаю. Но ведь вы уже несколько дней одна?

Мадам Ульм слабо улыбнулась.

– Сара спит со мной в спальне, на кушетке.

– Ваша горничная?

– Да.

– А сколько ещё слуг в доме?

– Марта и Роберт – наши кухарка и конюх, они живут в домике в дальнем конце сада, при конюшне. Луиза – посудомойка, её комната рядом с кухней. Ещё есть Этьен, лакей мужа, но он сейчас вместе с ним.

– А садовник?

– Последний уволился прямо перед отъездом мужа.

– Ясно. Пока вы одна, вы видели эти тени, или слышали голоса?

Мадам Ульм побледнела, пальцы судорожно сжали измятый платочек.

– Да, – едва слышно произнесла она. – Один раз. И я впервые различила внятное слово.

– Что это было за слово?

– «Берегись!»

* * *

В отличие от мадам Ульм, Тайная канцелярия обошлась сухой официальной телеграммой, которую к девяти утра принёс в контору мальчишка-рассыльный. Это было на следующий же день после обнаружения трупа девушки в Гнилой Гавани. Телеграмма приглашала господина Лайоша Шандора явиться в Канцелярию к двум часам пополудни, чтобы дать показания по делу Эвелины Санду. Поэтому когда они неспешным шагом дошли до ближайшей остановки трамвая на бульваре Северной Башни, Виола отправилась обратно в контору, а сыщик зашагал дальше, к площади Короля Рене.

Застроенная четырёх– и пятиэтажными домами с узкими фасадами, эта площадь когда-то была торговым сердцем тогда ещё только зарождавшегося города. Потом её прославили костры ведьмовских процессов, чуть позже – несколько бунтов, во время которых стало прямотаки традицией врываться в ратушу и выбрасывать из окон всех государственных служащих. Теперь старинные особняки, прежде принадлежавшие купеческим гильдиям и влиятельным вельможам, занимали государственные учреждения и офисы крупных компаний.

Третье слева от ратуши здание, ещё со времён бунтов получившее у горожан ироничное прозвище «дом добрых людей», целиком принадлежало Тайной канцелярии – учреждению, созданному для противодействия всем видам и формам преступности. Не только на улицах, но и на протекающей через этот человеческий муравейник реке, а также на проходящих над городом маршрутах дирижаблей. За узким фасадом скрывалась целая анфилада протянувшихся вглубь квартала зданий, переходов и внутренних двориков, имевших выходы и выезды на каждую из окрестных улиц. Парадные двери с площади предназначались для посетителей – и именно сюда направился Лайош Шандор. Предъявив одному из дежурных клерков полученную телеграмму, он дождался, пока клерк по внутреннему телефону вызовет сюретера, и тот подтвердит приглашение. Затем сыщику выдали пропуск визитёра, и Шандор по хорошо знакомому пути поднялся на четвёртый этаж, в кабинет господина Ла-Киша.

Сюретер пребывал в самом паршивом расположении духа, и на вежливое приветствие сыщика только проворчал что-то неразборчивое. Господин Ла-Киш по своему обыкновению устроился не за рабочим столом, а на диванчике в оконной нише, разглядывая раскинувшееся за стеклом море черепичных крыш. На подоконнике стояла давно остывшая чашка с крепким чёрным кофе. Лайош отметил про себя, что секретаря в комнате не было – стало быть, сюретер хотел сначала побеседовать с сыщиком наедине.

– Вы виделись с советником Санду? – поинтересовался Ла-Киш.

– Нет. Советник прислал чек и уведомил меня, что больше в моих услугах не нуждается.

– И на том спасибо, – буркнул сюретер.

– Хотя я вовсе не считаю, что моя работа закончена.

Ла-Киш нахмурился, но на Шандора это не произвело никакого впечатления.

– Во всём случившемся есть что-то неправильное.

– Вы мне говорите! – фыркнул сюретер.

– Именно. Вам. Потому что едва ли кто-то ещё в вашем учреждении стал бы меня слушать.

– Не забывайтесь, – предостерёг Ла-Киш.

– Я всего лишь имел в виду, что для Канцелярии дело, в общем-то, предельно ясно. Будет арестован господин Тропс…

– Уже арестован.

– Возможно, он сознается в убийстве. Возможно, он не имеет к нему никакого отношения – но всё равно сознается…

На последнюю реплику сыщика глаза сюретера полыхнули недобрым огнём.

– …или не сознается, и тогда это дело окажется одной из городских загадок, помещенных в ваши архивы.

– Вы хотите сказать, что мы не умеем работать? – саркастически поинтересовался Ла-Киш. Шандор примиряющим жестом поднял вверх раскрытые ладони.

– Прекрасно умеете. Но для этого у Канцелярии должно быть то, с чем, и те, с кем можно работать. Ведь других подозреваемых, кроме Тропса, у вас нет?

– Нет, – нехотя отозвался сюретер.

– И если у него окажется подтверждённое алиби – дело останется не раскрытым?

– Всегда могут появиться неожиданные свидетели.

– Гарольд… В Гнилой Гавани? Вы же сами в это не верите.

Сюретер не ответил. Он взял чашку с остывшим кофе, сделал глоток, поморщился и поставил чашку обратно на подоконник. Поднялся с диванчика и, заложив руки за спину, принялся медленно расхаживать перед окном туда-сюда. Шандор терпеливо ждал.

– Допустим, – Ла-Киш остановился, приняв какое-то решение. – Ну а вам-то что за дело до смерти Эвелины Санду?

Сыщик рассеянно потёр указательным пальцем переносицу, словно собираясь с мыслями.

– Я ведь уже сказал – во всём этом есть что-то неправильное. У девушки из высшего общества роман с простым клерком из Сити. Местом своих развлечений они выбирают заброшенный причал в районе… с не самой лучшей репутацией. А затем девушка каким-то образом вновь оказывается на том же самом причале, но уже одна и мёртвая.

– Вы были наняты, чтобы проследить за этой девушкой и сдать её вместе с любовником в руки пышущего праведным гневом отца.

– Верно. Но сдать живой и здоровой. Отцовский гнев может быть суров, однако не до такой же степени. Хотя, конечно, бывает всякое.

– Надеюсь, Лайош, вы понимаете, что если советник Санду узнает о вашем намерении продолжать розыски, дело для вас может кончиться плохо?

– Не узнает, – по губам сыщика пробежала давешняя лёгкая тень улыбки. – Вы ведь ему не скажете.

Сюретер фыркнул, демонстрируя своё мнение относительно такого предположения.

– А потом, я не думаю, что советник имеет какое-либо отношение к случившемуся. Это была бы слишком сложная комбинация, в которой не видно ровным счётом никакого смысла.

– Я бы не спешил отказываться и от такого варианта, – рассеянно посоветовал Ла-Киш, снова отвернувшись к окну.

– Разумеется. Как и от варианта, что убийцей всё-таки может быть Абрахам Тропс. Но если спросите меня, думаю, стоит искать мятное печенье.

– Вы снова за своё?! Какого лешего вам далось это мятное печенье! – сюретер резко обернулся к сыщику.

– Мятное печенье – последнее, что Эвелина Санду ела перед смертью. Очень много мятного печенья. Честное слово, Гарольд, у меня до сих пор во рту стоит привкус мяты.

Глава 3. Несостоявшееся завещание

Равири сидел в конторе. Перед ним на столе стояли очередная исходящая паром кружка с каким-то отваром и небольшие латунные весы, на которых драконид отмеривал смесь соли и специй. Повозившись с гирьками и убедившись, что количество смеси взято правильно, Равири спокойно высыпал состав в кружку и принялся тщательно размешивать питьё. Виола смотрела на всё это с ужасом.

– Лучше нет средства от простуды, – сиплым голосом заверил её драконид.

– Может быть, попробовать горчичники? Или банки?

– Мою шкуру эти игрушки не возьмут, – Равири закатал рукав свитера и демонстративно поскрёб коротким когтем по предплечью руки. На серо-зелёной коже, бугрившейся мелкими чешуйками, не осталось даже следа.

– А это питьё?

– Это – проверенный рецепт моей прабабушки, которым лечилось не одно поколение. День-другой, и я буду в полном порядке.

– Почему тогда вы не начали пить его сразу?

– Потому что в здешних краях не так-то просто достать всё необходимое.

– Это разве не обычные специи?

Равири хитро подмигнул.

– Не только они.

– То есть…

– Нет. Там нет ни опиума, ни чего-то подобного. Просто некоторые наши «специи» людям пробовать не стоит. Отравиться не отравишься, но несварение желудка, изжога и прочие неприятности обеспечены. Даже сами драконидыиспользуют их совсем по чуть-чуть, и только при необходимости.

Он сделал глоток из кружки, довольно закряхтел и откинулся в своём кресле. Из-за невысокого роста Равири приходилось подкладывать на сиденье несколько подушек, так что Виоле он немного напоминал миниатюрного царька, удобно устроившегося на троне. Впрочем, это был очень добродушный и покладистый царёк.

– У вас есть какая-то система в хранении документов? Или каталог? – девушка нерешительно разглядывала стеллажи с папками, закрывавшие все стены конторы. Драконид благодушно махнул на них рукой.

– Есть. Называется «я точно знаю, это было где-то здесь».

Мадемуазель Энне вздохнула.

– Пожалуй, мне стоит начать с архивов. Ну хотя бы расставить всё это по алфавиту, как-то сгруппировать… Иначе как я смогу вести работу с документацией, если не буду знать, куда помещать документы, и где их искать?

Равири согласно кивнул.

– Резонно. Сейчас допью и помогу вам.

Они занялись разбором папок. Драконид, как вскоре выяснилось, был собеседником с недюжинным кругозором и начитанностью, к тому же он весьма охотно отвечал на вопросы о самом себе. Господин Те Каеа, как узнала девушка, приехал в город лет двадцать назад, надеясь поступить в университет. У себя на родине он слыл неплохим травником, и планировал стать квалифицированным фармацевтом – но, хотя драконида и допустили к экзаменам, до зачисления на первый курс он так и не добрался. Не унывающего Те Каеа эта неудача не слишком расстроила: он устроился помощником аптекаря, целый год в свободное время штудировал человеческие учебники, снова пробовал поступать – и снова провалился.

После пятой попытки Равири окончательно распрощался с мечтой об университетском дипломе. Он успел стать хорошим химиком-практиком, и этого у него не смогли бы отнять даже университетские профессора, не желавшие видеть мантию выпускника на уроженце Южного континента. Собственно, господин Те Каеа уже подумывал о возвращении домой, когда случай свёл его с Лайошем Шандором, и заставил задержаться в городе. Впрочем, как Равири поведал Виоле, он рано или поздно всё-таки надеялся отойти от дел, и уехать обратно на родину.

– У тех, кто когда-то основывал первые человеческие университеты, тоже ведь не было никаких дипломов, – заметил он с улыбкой. – Почему бы и мне не попробовать. Позже, когда стану старше и солиднее.

– А сколько вам сейчас? – поинтересовалась девушка.

– Шестьдесят четыре. По меркам моего народа я едва-едва преодолел рубеж беспечной юности. Самое время браться за ум и заниматься делом.

Виоле было интересно узнать и про двух других компаньонов, но на её расспросы Равири с самым серьёзным и даже несколько недовольным видом заявил, что если она хочет что-то узнать – пусть спросит у них.

– Каждый имеет право решать сам, кому, что и когда рассказывать о себе, – пояснил драконид, заталкивая на свой стол стопку папок с литерой «Ч».

В этот момент дверь конторы открылась и на пороге появился Абекуа Вути. Равири мельком взглянул на компаньона, замер, вытаращившись в изумлении, и пробормотал:

– Чтоб меня…

Одна из папок с тихим шелестом съехала с верхушки стопки и шлёпнулась на пол.

Муримур, и вчера днем, и сегодня утром щеголявший тщательно отутюженным костюмом и роскошно расшитым жилетом, сейчас походил на существо, вырвавшееся из адского пекла. Правый рукав его плаща-пыльника был почти оторван по плечевому шву, на жилете недоставало нескольких пуговиц. Шляпа была помята, прежде начищенные до блеска ботинки – в подсохших мазках глины и какой-то зеленоватой грязи. В довершение на левой щеке господина Вути краснела уже взявшаяся корочкой запёкшейся крови глубокая царапина.

– Абекуа! – ахнул драконид. – Я и не знал, что коты дерутся не только весной, но и осенью!

– Очень смешно, – оскалился муримур. – Обхохочешься.

– Откуда ты в таком интересном виде?

– С Тюремной Горки, – буркнул Вути, пристраивая шляпу на вешалке.

– Тебя пытались арестовать?

– Ты хочешь к простуде добавить пару переломов?

– Ладно-ладно, не горячись. Ну а если серьёзно – были неприятности?

– Были. Но не у меня, – муримур, расстёгивавший плащ, поморщился от боли.

Виола заметила, что он старается поменьше нагружать правую руку. Не дожидаясь просьб, девушка подошла к Абекуа, помогла ему снять плащ и повесила пыльник на вешалку.

– Я могу это зашить.

– Благодарю.

– Давайте я осмотрю вашу руку?

– Не обижайтесь, барышня, но у Равири опыта больше. Однако спасибо за участие.

Муримур сел на диванчик для посетителей, а драконид, достав откуда-то из своего стола шкатулку с медикаментами, уже хлопотал над правой рукой компаньона.

– Хм… Если спросите меня, я скажу, что это последствия удара тупым тяжёлым предметом. Кирпич?

– Не догадаешься, – глаза муримура хитро блеснули, под верхней губой на мгновение показались и снова скрылись клыки. – Подъёмный кран.

Равири, перебиравший какие-то баночки в аптечке, поднял глаза.

– И это ты называешь «не у меня»?

– Не поверишь, но так и есть, – муримур снова поморщился, когда драконид начал осторожно втирать ему в руку какую-то мазь. Но вскоре лицо Вути расслабилось, и он стал рассказывать:

– Я был в Гнилой Гавани, пробовал отыскать что-нибудь, что могли прозевать констебли. Ничего не нашёл, и даже никого не встретил. Причал, где обнаружили тело, как и соседние с ним, заброшены уже много лет. Рядом бесхозные пакгаузы – похоже, даже из местных там мало кто бывает. Чего ради эта парочка таскалась туда на по…

– Здесь девушка, – предостерегающе нахмурился Равири. Абекуа мельком взглянул на Виолу.

– Извиняюсь, барышня, – пробормотал муримур. – Привычка работать сугубо в мужском обществе. Словом, мне совершенно непонятно, чего ради было забираться в такую глушь и, прямо скажем, грязь, особенно для людей при деньгах. Разве что кому-то недоставало острых ощущений. Тем более странно, что убитая снова оказалась там же, но уже без кавалера. Да ещё в сетях.

– Может быть, её вытащили из воды рыбаки? – предположил драконид.

– Нет там никаких рыбаков, – покачал головой Вути. – В этой части Гнилой Гавани ни одного судёнышка, которое было бы на плаву. Лежат там у причальных стоек несколько полузатопленных лодок, только с таких не порыбачишь. А вот сетей на причалах, кстати, полно. Старых и ни на что не годных. Свалены кучами тут и там.

– Думаешь, кто-то просто решил спрятать тело, и если бы не высвободившаяся из-под сетей рука…

– …констебль ничего бы и не заметил. Возможно. Хотя какой-то ненадёжный тайник получается. Да, этот хлам никто бы не тронул, но труп ведь со временем даст о себе знать запахом. Даже по местным меркам аромат будет тот ещё.

– Временный тайник?

– Из которого тело намеревались забрать позже, и спрятать уже куда основательнее? Об этом я тоже думал. Вариант.

– А зачем тебя понесло на Тюремную Горку? – поинтересовался драконид.

– Хотел повидать…

Они переглянулись, и Равири извиняющимся тоном сказал Виоле:

– Одного из наших осведомителей. Простите, барышня, но это деликатная тема. Вам лучше не знать лишнего.

– Спасибо за доверие, – изобразила кислую улыбку мадемуазель Энне.

– Это не только вопрос доверия. Это ещё и вопрос вашей безопасности. Меньше знаете – не так интересны в качестве источника информации.

– Кому я могу понадобиться в качестве источника информации? – удивлённо спросила Виола.

– Да мало ли кому, – буркнул Вути. – В нашем-то тихом славном городке.

– В общем, хотел повидать, ясно. Повидал?

– Повидал. Потом решил пройтись до конторы, мимо строящейся станции этой новой подземной дороги. А когда я был как раз на мостках, которые там соорудили для зевак, у одного из кранов подломились передние опоры, и он рухнул вниз. Аккурат на мостки.

Девушка ахнула. Драконид зашипел, что у его расы заменяло свист.

– Много жертв?

– Не знаю, – пожал плечами муримур. – Вообще там было не так уж людно, дюжина-другая прохожих, не больше.

– Тебе сильно повезло, кошачья твоя душа. Руку могло оторвать напрочь.

– Ну… – муримур как-то смущённо заёрзал на диване, вдруг заинтересовавшись истёртым ковром на полу конторы.

– Что?

– Вообще-то я сам подставился, – он посмотрел сперва на компаньона, потом на секретаршу. – Ну не мог я иначе. Впереди шла нянька, в коляске младенец, за руку ведёт карапуза постарше. Край стрелы пришёлся бы прямо в них.

– И ты прыгнул, – вздохнул Равири.

– Прыгнул.

– Удачно?

– Для них – да, – муримур усмехнулся. – Я и не знал, что в узкой юбке можно так быстро-быстро перебирать ногами, если тебя как следует пихнули в спину. В общем, стрела прошла на волосок, зацепила полу плаща, и потащила меня за собой. Так что технически это не кран ударил меня, а я кран. Когда приземлился на него в котловане.

– Всё равно тебе невероятно повезло.

– Не спорю. К слову, один труп там точно есть. За мной следом по мосткам шёл какой-то парень, его придавило. Мы оказались практически рядом. Пыль столбом, ничего не разобрать, вопли по всей улице. Рабочие подбежали только минуты через две.

– Бедолага, – заметил Равири, пряча аптечку обратно в свой стол.

– Тут ещё вот какое дело, – муримур левой рукой порылся в кармане брюк, и извлёк из него сильно потрёпанный бумажник. – Я пробовал ему помочь, вытащить, но там уже было ясно, что всё кончено. Он пытался что-то сказать напоследок, потом достал из внутреннего кармана вот этот бумажник, ну и…

– Надо было, наверное, передать его констеблям? – решилась вставить слово Виола. – Там ведь могут быть какие-то документы, по которым можно установить личность погибшего.

Муримур секунду-две рассматривал девушку, потом нехотя согласился:

– Могут. Но в моей культуре воля умирающего священна. Парень почему-то хотел, чтобы бумажник взял я, и явно пытался сказать, куда его следует доставить. Жаль, не получилось. Но мы попробуем это выяснить сами. Поможете?

Девушка взяла у Вути бумажник, раскрыла его. Внутри оказались банкнота в десять крон и несколько монеток – в сумме ещё на крону-две. В самом большом кармане лежала сильно измятая и потрёпанная фотография, изображавшая женщину, которая обнимала за плечи двух близнецов лет пятнадцати-шестнадцати. Абекуа всмотрелся в лица мальчишек, и кивнул:

– Да. Он. Не знаю только, какой из двух. Ну и это фото сделано лет десять назад, погибший был старше, чем на снимке.

Виола аккуратно проверяла остальные отделения, но там было пусто. Под конец девушка осторожно ощупала бумажник со всех сторон. За кармашком для мелочи обнаружилось что-то твёрдое, зашитое в подкладку. Под внимательными взглядами сыщиков мадемуазель Энне взяла со стола Шандора ножницы, осторожно надрезала шов – и из бумажника ей на ладонь выпал маленький ключик с затейливо украшенной головой.

– Да уж, Лайош прав, – заметил Равири. – Вы, барышня, нам определённо подходите.

* * *

Лайош Шандор, вернувшийся из Канцелярии в контору, застал всех троих обедающими за небольшим раскладным столиком, который они установили перед диваном. Муримур, у которого правая рука теперь лежала на перевязи, из горячих напитков признавал только какао, щедро приправленное острым красным перцем. Равири, отказавшись на время от своих лечебных отваров, пил крепкий чёрный кофе, в который насыпал не меньше десятка ложек сахара – и всё равно, как накануне, жаловался на горечь.

По просьбе компаньонов, мадемуазель Энне в пабе на углу купила жареной рыбы с картошкой, а в соседней кондитерской – щавелевый пирог. Теперь они дружно приканчивали

обед, оставив неприкосновенной четвертую часть, предназначавшуюся господину Шандору. На столе главы агентства лежали потрёпанный бумажник, фотография и ключик. Деньги, тщательно посчитанные и уложенные в чистый конверт, Равири запер в небольшом сейфе, заявив, что они также должны быть переданы наследникам неизвестного, если тех всё-таки удастся обнаружить.

Пока Лайош навёрстывал упущенное обеденное время, муримур повторно рассказал историю своих утренних похождений. Закончив с рыбой и картошкой, сыщик взял со стола бумажник, и долго вертел его так и эдак, изучая со всех сторон. Потом вытащил из подставки для письменных принадлежностей увеличительное стекло, и принялся внимательно рассматривать что-то внутри главного отделения.

– А надпись? – наконец поинтересовался он. Троица растерянно переглянулась.

– Надпись? – переспросил драконид.

– Вот тут, внутри, в уголке. На подкладке большого кармана. Фотография же была в нём?

– Ну да. Но мы и не видели, что там есть какая-то надпись, – сказал Вути, поднимаясь с дивана и подходя к компаньону. – Что пишут?

– «Дж. С. Хорн», – вглядываясь в линзу, прочитал Шандор. – Думаю, мы вправе предположить, что это наш погибший.

– Если только он не украл этот бумажник. Или не купил его у старьевщика. Или он мог найти его на улице, – заметил Равири.

– Будем логичны. Взрослый человек носит в бумажнике снимок. На снимке определённо он сам и его брат, причём много лет назад. Женщина – скорее всего, мать, либо она заменила им мать. В любом случае, можно с уверенностью сказать, что люди на снимке были дороги владельцу бумажника. Сам бумажник потрёпан и никакой ценности не представляет. Если бы такой был украден, его бы выбросили, предварительно опустошив. Но владелец сохранял его, и даже спрятал внутри ключ. Возможно, бумажник тоже был ему дорог как память – может быть, это был подарок той женщины. Думаю, это всё-таки его собственный бумажник. Так что можно попробовать отыскать тех, кто знает что-либо о господине Дж. С. Хорне.

– Дам объявление в несколько газет, – решил Абекуа. – Может, кто-нибудь и откликнется.

– Только не пиши там ничего конкретного. Особенно про деньги и ключ, – предостерёг Равири.

– Не учи учёного!

– Хорошо. С этим мы закончили, – сказал Лайош. – Теперь перейдём к другим нашим делам. Я собираюсь провести вечер и ночь в поместье мадам Ульм.

– Пойти с тобой? – спросил муримур.

– Не стоит. Тебе вообще лучше сейчас поехать домой и как следует отдохнуть.

– Согласен, – кивнул Равири. – Если не будешь нагружать руку, дня через два-три сможешь снять повязку.

– У меня левая вполне здоровая, – попытался возражать Вути, но Шандор покачал головой.

– Нет. Во-первых, не думаю, чтобы в поместье мадам Ульм было нечто опасное. Я ничего такого не почувствовал.

– А что ты почувствовал? – с любопытством спросил Равири.

Шандор нахмурился и несколько секунд размышлял над ответом. Потом пожал плечами.

– Сам толком не знаю. Мне нужно как следует осмотреться там именно вечером, раз уж она сталкивается со своими привидениями в сумерках или ночью. Тогда, возможно, что-нибудь и пойму.

– А что насчёт «во-вторых»? – поинтересовался Абекуа.

– Во-вторых, я бы хотел, чтобы ты следовал указаниям нашего замечательного лекаря, и тем самым восстановился как можно скорее. Я собираюсь продолжить расследование по делу Эвелины Санду.

В комнате повисла тишина – каждый из присутствующих оценивал решение Шандора. Затем мадемуазель Энне вдруг сказала:

– Я могу поехать с вами в поместье.

– Зачем? – Лайош удивлённо посмотрел на девушку.

– Мадам Ульм рассказывала о нескольких случаях, и только один раз голоса услышал её муж. Может быть, эти привидения предпочитают женское общество.

В тёмных глазах сыщика проскочила искорка смеха, но тут же взгляд снова стал серьёзным.

– Как знать. Ну что ж, едемте.

Глава 4. От чердака до подвала

К вечеру заморосил мелкий дождик, и когда сыщик с девушкой шли от трамвайной остановки к поместью Роуз-Холл, ни на улицах, ни в садах на Овражках не было ни единой живой души. Дом мадам Ульм казался нахохлившейся в сырых сумерках птицей, смотревшей на незваных гостей единственным освещённым окном гостиной на первом этаже.

Калитка уже была заперта, так что им пришлось сначала позвонить, а затем несколько минут дожидаться, пока несколько встревоженная Сара, закутанная в серую шерстяную шаль, дойдёт от крыльца до калитки.

– Простите, господин Шандор, вам бы следовало предупредить по телефону, что вы придёте, – девушка явно расслабилась, узнав визитёров.

– Надеюсь, мы не слишком испугали мадам.

– Мадам теперь пугается всего, – печально покачала головой Сара.

Как и горничная, хозяйка дома успокоилась, едва узнав своих утренних гостей.

– Вы не говорили, что вернётесь сегодня, – залепетала мадам Ульм, на что Шандор, аккуратно стряхивая со своего цилиндра дождевые капли, вежливо улыбнулся.

– Мне необходимо провести наблюдения за вашим домом вечером и ночью, поскольку именно в это время происходят… явления. И мне также хотелось, чтобы к моему визиту никто не готовился заранее.

Глаза мадам Ульм расширились, в них снова проступил страх.

– Вы хотите сказать, возможно, кто-то из слуг…

– Вовсе нет, – сыщик помог Виоле снять пальто. – Это скорее можно сравнить с приёмом или торжественным ужином. Все в доме суетятся, готовятся, само настроение меняется – дом живёт в эти часы по другим ритмам.

– Ах вот что… – женщина задумалась. – Кажется, я вас понимаю.

– Замечательно. Поэтому пусть всё идёт своим чередом, как в любой обычный день.

– Но вы ведь составите мне компанию за ужином? И мадемуазель Энне?

– С удовольствием. Что касается ночи, то я бы попросил, чтобы мадемуазель Энне ночевала в вашей спальне. Можно будет принести туда вторую кушетку?

– Конечно. А вы?

– А я устроюсь где-нибудь поблизости.

– У нас есть гостевая спальня, в противоположном конце коридора.

– А прямо у спальни?

– Там с одной стороны гардеробная, с другой бельевая.

– Хватит в одной из них места, чтобы поставить кресло?

– Д-да, – мадам Ульм растерянно посмотрела на Сару и снова повернулась к Шандору. – Неужели вы собираетесь просидеть всю ночь в кресле?

– Если вы не возражаете, я собираюсь побродить по дому и понаблюдать. Мадемуазель Энне будет охранять вас ночью, и если вдруг в спальне случится какое-то явление, она сможет затем в точности описать его мне. Мадемуазель квалифицированный сотрудник, я полностью ей доверяю.

Слова сыщика несколько успокоили мадам Ульм.

– Самое главное, мадам, – женщина, слушая, даже подалась вперед. Она, похоже, уже всецело доверилась Лайошу, видя в нём решение всех своих бедствий. – Если вы что-то увидите или услышите ночью, постарайтесь держать себя в руках. Не поддавайтесь страху. Слушайте, смотрите, запоминайте. Я буду рядом, но, думаю, никакая опасность вам не угрожает.

– Почему? – полушёпотом спросила хозяйка дома.

– Вы сами сказали, что голоса не агрессивны. Когда вы впервые увидели что-то странное в доме?

Мадам Ульм задумалась.

– Месяца два назад.

– Это были тени или звуки?

– Звуки. Шаги в коридоре, ведущему к западному крылу.

– После того, как там начали работы?

– Да, спустя неделю или две.

– За исключением ваших расстроенных нервов и недомоганий, на которые жаловались строители и садовники, физически за это время кто-нибудь пострадал?

Женщина растерянно пожала плечами.

– Нет. Никто.

– Не было несчастных случаев, возгораний, каких-то поломок, взбесившихся лошадей, и тому подобного?

– Нет, ничего такого. Хотя Роберт жаловался, что иногда лошади ведут себя беспокойно по ночам. У нас небольшой экипаж и упряжная пара для него. И ещё конь мужа.

– В таком случае у ваших привидений было два месяца, чтобы нанести вред вам, вашему супругу или любому из слуг. Но, однако, всё осталось почти так же, как началось – тени, звуки. Разве что стали различимы слова. Как я понимаю, ваш супруг и горничная, – Шандор посмотрел на Сару, – и вовсе наблюдали явление всего раз, в столовой.

Мадам Ульм неуверенно кивнула.

– Скажите, а нет ли у вас претензий к соседям? – неожиданно спросил Лайош. – Или у них к вам?

Хозяйка покраснела и смущённо потупилась.

– Нет. Мы их практически никогда не видим.

– А если видите?

Женщина улыбнулась, но улыбка эта получилась невесёлой.

– Господин Шандор… Таких, как мы, не любят на Овражках. Мой муж сделал состояние на чайной торговле. Его отец, мой покойный свёкор, начинал с маленькой чайной лавки, а сыновья развили дело – собственные клиперы, несколько чайных плантаций, прямые поставки. Мой батюшка был капитаном торговой шхуны, так они со свёкром и познакомились. Никаких денег в мире не хватит, чтобы заставить соседей забыть, что наша семья – торгаши.

Последнее слово мадам Ульм произнесла так, словно это было ругательство – но одновременно гордо вскинула голову и посмотрела на сыщика. В глазах женщины снова стояли слезы, но теперь всегда безобидная и беззащитная мадам Ульм вдруг превратилась в рассерженную кошку, готовую драться со всем миром.

– Я понимаю, – спокойно сказал Шандор, и пухленькая фигурка хозяйки в кресле тут же обмякла, растеряв боевой задор. – Но вы хотя бы знаете, кто они?

– Слева, чуть ниже нас, в «Соловье и Камне», живут Эплвуды. Первый барон Эплвуд построил это поместье ещё тогда, когда на Овражки только-только начали перебираться знатные семейства, и с тех пор его потомки никогда никому не уступали своих владений. Справа, выше по улице, в Рэд-Мэнор, живёт старая миссис Остен. Она… – мадам Ульм заколебалась.

– Не волнуйтесь. Это всё сугубо между нами.

– Старая ведьма, – гневно выдохнула хозяйка Роуз-Холла. – Она пережила мужа и всех детей, кроме самой младшей дочери. Та по характеру – копия матушки. Это обедневший род, от прежнего величия у них только и осталось, что дом и сад, да ещё спесь. Миссис Остен разбил паралич, она не ходит и толком не говорит, так что дочь катает её по саду в коляске. Когда я впервые увидела их, мне стало их жаль – всё-таки заботиться о больном человеке, да

ещё в возрасте… Я попыталась завязать знакомство, хотела предложить помощь. Но со мной говорили так, словно я нищенка из Лайонгейт, и пришла к их калитке просить милостыню!

– Ясно, – на губах Лайоша мелькнула его вечная лёгкая улыбка. Затем сыщик задумчиво потёр переносицу и спросил:

– А кто живёт напротив, через улицу?

– Это огромное владение принадлежит герцогу Скальфаро. Но он тут не бывает, дом стоит запертым. В саду, в сторожке, живёт привратник, который охраняет поместье и присматривает за садом.

– Вы хорошо осведомлены, – Шандор произнёс это как бы мимоходом, но мадам Ульм покраснела от смущения. Затем призналась:

– Благодаря Саре. Слуги дружелюбнее хозяев, они общаются друг с другом, а Сара рассказывает всё это мне. Первое время я надеялась, что знание соседей поможет нам хоть отчасти стать здесь своими, но…

Она не закончила, безнадёжно махнув рукой.

– А Роуз-Холл? Кому он принадлежал до вас?

– Доктору Меерштaлю.

Шандор слегка нахмурил брови.

– Что-то знакомое… Меерштaль, Меерштaль… Погодите. Это не он был автором первого проекта городского фуникулёра?

– Который оборвался прямо в день открытия, – кивнула мадам Ульм.

– Медик по образованию и механик-самоучка по призванию, – продолжал сыщик. – Но его ведь тогда, насколько мне помнится, не осудили? Я, правда, знаком с делом только по архивам.

– Не осудили. Суд пришёл к выводу, что виновником несчастья был подрядчик, поставивший некачественные стальные тросы. Хотя кое-кто утверждал, что проблема была в самом механизме – несколько тросов из-за ошибки проектировщика соскочили с барабана, их зажало в шестернях и разорвало как нитки.

– Откуда вы так много знаете об этом случае? – с любопытством поинтересовался Лайош.

– Моя тётя, старшая сестра моей матери, погибла на том самом фуникулёре. В нашей семье имя Меерштaля произносилось не иначе как с проклятиями, – тихо пояснила мадам Ульм. – Ирония судьбы, правда? Я ведь не выбирала этот дом. Это был сюрприз, подарок мужа к нашей пятнадцатой годовщине свадьбы. Муж тоже не знал о прошлом поместья – он просто искал что-то на Овражках. Доктор умер, дом отошёл городу, и два года на него не могли найти покупателя, потому что многие ещё помнили о славе прежнего жильца. Странно. Ведь никто не боится пользоваться фуникулёром, который поставили взамен упавшего. Когда мы заявили о желании купить дом, в муниципалитете нам, конечно же, рассказали, кто им владел до нас. Ещё сказали, что после того несчастья доктор стал затворником – уволил всех слуг и жил в одиночестве, почти не показывался в городе. Занимался только своими механизмами да розами.

– Механизмами? – переспросил Шандор.

– Да. Тут в оранжерее стоит с десяток его автоматонов.

– Действующих? – решилась подать голос Виола, до того кропотливо записывавшая в блокнот все детали разговора.

– Не знаю. Мы так и не поняли, как они должны заводиться и что делать. Оставили их просто как статуи.

– Так это статуи?

– Да, и довольно неплохие. Металлические скульптуры. Наверное, они должны изображать нимф, или дриад. Если хотите, можем их осмотреть.

– Почему бы нет, – Шандор встал, мадам Ульм тоже – и тут же, вскрикнув, упала назад в кресло, дрожащей рукой указывая на тёмный прямоугольник двери, ведущей в коридор. Сыщик быстро обернулся: в слабом свете притушенных газовых ламп по коридору удалялась полупрозрачная фигура.

* * *

Лайош среагировал мгновенно, через секунду он уже был на пороге гостиной, но призрачный силуэт исчез бесследно. Сыщик пробежал по коридору в холл, но и в холле никого не оказалось.

– Мадемуазель Энне! – энергичный и деловитый, Шандор сейчас походил на туго сжатую пружину. – Встаньте здесь, наблюдайте за холлом. Сара! Возьмите лампу. Тут есть запертые двери? Тогда ключи от них тоже возьмите.

Горничная принесла керосиновую лампу и связку ключей, и они с сыщиком принялись методично обходить одно за другим все помещения, выходившие в коридор между холлом и гостиной. Однако ни в столовой, ни в буфетной, ни в двух небольших чуланах никого не оказалось. Последние три комнаты к тому же были заперты, хотя Шандора этот факт, казалось, нисколько не смутил.

После осмотра он попросил всех трёх женщин вернуться в гостиную, а сам, забрав у Сары лампу, ещё некоторое время обходил помещения, по нескольку минут задерживаясь в каждом из них. Наконец сыщик вернулся в гостиную.

– Мадам Ульм, в доме есть подвал?

– Конечно, – хозяйка маленькими глоточками пила принесённый горничной чай. – Там винный погреб, котельная и ледник.

– Он тянется под всем домом?

– Честно говоря не знаю, я туда ни разу не спускалась. Муж был один раз, когда мы осматривали дом перед подписанием договора о покупке. Но после, кажется, и он туда не входил.

– А как попасть в подвал?

– Есть ход из кухни, и ещё один из сада – его используют, когда доставляют лёд или уголь. Что вы надеетесь там найти? – мадам Ульм с недоумением смотрела на сыщика.

– Пока не знаю. Может быть даже вовсе ничего. А что насчёт чердака?

Хозяйка покачала головой.

– Понятия не имею. Может быть, Роберт знает. Кажется, они с Этьеном, лакеем мужа, лазили на чердак – ещё в самом начале, когда я несколько раз слышала шаги в пустых помещениях в мансарде. Муж думал, что звуки могли издавать забравшиеся в дом воры.

– В таком случае, – Шандор обращался к горничной, – будьте добры, Сара, пригласите Роберта. Пусть захватит ключи от чердака – если они нужны и если он знает, где их искать. И ещё один фонарь.

Горничная уже собиралась выйти, когда Лайош взмахом руки остановил её и повернулся к мадам Ульм.

– Скажите, кто-то кроме Сары знает, что вы обратились ко мне?

– Нет… Вроде бы нет.

– И что утром к вам приходил именно сыщик?

– Тоже нет, – мадам Ульм растерянно переводила взгляд с Шандора на горничную.

– В таком случае, мадемуазель, – снова повернулся к девушке Лайош, – не говорите Роберту, что он будет сопровождать сыщика. Скажите, что к мадам приехал архитектор, который будет заниматься перепланировкой дома, и который хочет осмотреть все помещения. Если Роберт спросит, почему архитектор явился так поздно, скажите, что мэтр завтра уезжает на месяц из города, поэтому воспользовался единственными свободными часами, чтобы начать работу над проектом.

Конюх – коренастый, гладко выбритый и тщательно причёсанный на пробор – появился спустя десять минут. Он вежливо поклонился «архитектору» и повёл его наверх, в мансарду, где располагались ныне пустующие комнаты для слуг. Роуз-Холл строился по канонам давно ушедшей эпохи, а в те времена поместье такого размаха должно было иметь солидный штат.

Теперь по запылённым, заросшим паутиной помещениям лишь изредка пробегали мыши. Шандор тщательно осмотрел каждую из комнат, но нигде на полу не нашёл никаких следов того или тех, чьи шаги слышала мадам Ульм. Единственным признаком того, что сюда поднимались после долгих лет запустения, была двойная цепочка отпечатков сапог в центральном коридорчике – видимо, здесь в своё время прошли конюх и лакей, когда искали возможных воров.

Из мансарды маленький люк в конце коридорчика вёл на чердак. Просторное помещение представляло собой, по сути, пустоту под крышей. Вместо пола здесь темнели балки мансардного потолка, промежутки между которыми заполнял слой штукатурки на дранке. Достаточно было неосторожного шага, чтобы провалиться этажом ниже. По толстой центральной балке, сращенной из нескольких внушительных брусьев, в пыли тянулись всё те же следы сапог. Лайош про себя отметил добросовестность слуг: они прошли из конца в конец весь чердак, так что грабители, если бы действительно посещали дом, не имели никаких шансов скрыться.

Слуховые окна, выходившие на крутой скат крыши, были забраны деревянными решётками. Когда-то аккуратные, от времени и непогоды они изрядно перекосились, кое-где не хватало отдельных планок. Однако ни в одну из образовавшихся в решётках дыр не смог бы пролезть кто-либо крупнее кошки. С каждым шагом по чердаку сыщик убеждался, что решение загадки поместья нужно искать не здесь.

Таким же запущенным, как чердак, выглядел и подвал особняка, хотя тут пыль местами подмели, а на уцелевших её островках имелось множество следов от сапог и женских туфель. В винный погреб регулярно спускалась кухарка, в котельную успели завезти уголь, а в ледник доставили пиленые блоки льда.

– Мастер Роберт, а кто в доме отвечает за котельную и ледник? – поинтересовался сыщик. Конюх, приосанившийся при слове «мастер», почтительно ответил:

– Котельная на мне, а за ледником присматривает Этьен.

– А винный погреб, как понимаю, в ведении вашей супруги? – спросил Лайош. В глазах Роберта мелькнул недоверчивый огонёк, и он как-то уклончиво сказал:

– Конечно. Хозяйка любит чай с ликёром, иногда к обеду просят бутылочку вина. Хозяин предпочитает ром.

– Я спрашиваю, поскольку, возможно, у вас также есть пожелания относительно перепланировки особняка? Мадам Ульм поручила мне рассмотреть все нюансы. Может, стоит устроить пару лифтов? Поднимать продукты из погреба на кухню, спускать в подвал лёд и уголь.

Роберт изумлённо раскрыл рот. Потом неуверенно пожал плечами.

– Оно, конечно, лучше, если не на своём горбу таскать. Но чтобы сразу два лифта… Это ж сколько будет стоить, хозяева вряд ли согласятся, – тут конюх приглушил голос, словно опасаясь, что его услышит посторонний. – Нет, хозяйка-то, наверное, согласится, но хозяин не станет тратить лишних денег. Вы, господин архитектор, без его одобрения не спешите браться за работу. А то как бы не вышло огорчения.

Шандор легонько улыбнулся. Потом тихо кашлянул. Следом кашлянул чуть громче, и вот уже кашлял взахлёб, никак не в силах остановиться.

– Сейчас принесу воды! – Роберт поспешил вверх по лестнице в кухню, а сыщик тем временем, вмиг перестав кашлять, прикоснулся рукой к грубой каменной кладке погребных стен. Когда конюх вернулся с кружкой воды, «архитектор» продолжал стоять всё так же, опершись одной рукой о стену.

– Вот, господин архитектор. Это от угольной пыли, бывает с непривычки. Я сам иной раз… Ох, да вы даже с лица побледнели! Вам, пожалуй, лучше бы на воздух.

Шандор рассеянно кивнул, и они вдвоём через грузовой вход в подвал выбрались на поверхность. В саду, укутанном непроницаемой тьмой позднего осеннего вечера, всё ещё моросил дождь. Пахло сырой землёй и палой листвой. Иногда лёгкий ветерок, круживший над дорожками, добавлял к этим ароматам запахи конюшен, а иногда – тонкие ноты последних увядающих роз на нестриженных кустах.

Лайош, опершись спиной о притолоку двери, глубоко вдыхал ароматы сада и вполуха слушал добродушное бормотание конюха. Но во рту у сыщика всё ещё оставался металлический привкус, а в ноздрях стоял характерный запах, который нельзя спутать ни с чем другим.

Запах крови.

Глава 5. Автоматоны доктора Меершталя

По просьбе «архитектора» Роберт вернулся в дом через кухню и отпер для Шандора дверь оранжереи. Это было роскошное сооружение на мощном стальном каркасе, с плавными обводами линий, в точности повторенных пластинами из моллированного стекла. Оранжерея располагалась перпендикулярно западному крылу дома, с его тыльной стороны, и с улицы за особняком и деревьями был виден только шпиль над её центральным куполом.

Двух керосиновых фонарей оказалось недостаточно, чтобы как следует осветить оранжерею, и Шандор с конюхом, медленно идущие по центральной дорожке, словно плыли в облаке тёплого света, за пределами которого стены и потолок помещения тонули во мраке. Здесь, как и в саду, среди растений преобладали розовые кусты. Возле одного из них Лайош остановился, рассматривая несколько ещё сохранявшихся на ветвях бутонов.

– Это их естественный цвет? – поинтересовался сыщик.

– Да, – в голосе Роберта проскользнули нотки гордости. – Такого вы не найдёте нигде в городе!

Цветы на кусте, возле которого они стояли, были угольно-чёрными. Шандор осторожно коснулся одного бутона кончиками пальцев, затем наклонился и понюхал его – аромата у розы не было вовсе.

– Вы правы. Я не то, что не видел – никогда не слышал о таком цвете у роз. Это в самом деле не процесс увядания?

Роберт растерянно потёр щеку ладонью.

– Я не слишком-то разбираюсь в садовых делах, господин архитектор. Но вообще-то они расцветают в два окраса – снаружи тёмно-красные, а внутри – белоснежные. Спустя пару месяцев серединка превращается в тёмно-красную, а снаружи цвет темнеет, темнеет, и вот через какое-то время они уже почти сравниваются, становятся чёрными.

– Удивительно, – Шандор ещё раз понюхал бутон, и конюх усмехнулся.

– Зря стараетесь, они и правда ничем не пахнут.

– Мне казалось, что у всех роз есть хотя бы слабый аромат.

– Да, мне тоже так думалось, но вот у этих нет ничего. Они как те движущиеся картинки.

– Синематограф?

– Ага. Человек на них есть, но на самом деле его нет.

– Интересное сравнение, – заметил Шандор, проводя пальцами по бортику массивной каменной вазы, в которой рос розовый куст. На секунду или две пальцы сыщика замерли, затем он отошёл от куста и, достав из кармана платок, принялся протирать им руки. В глазах конюха промелькнула насмешка, но тут же пропала – Роберт был слишком хорошо вышколен, чтобы продемонстрировать своё отношение к такой брезгливости гостя.

– Мадам говорила, что здесь есть автоматоны?

– Точно так, есть. Идёмте.

Первая фигура, к которой они подошли, была наполовину скрыта огромными пальмовыми листьями. Невысокие, но очень толстые – не меньше полуметра в диаметре, как прикинул Лайош – три пальмы располагались полукольцом в огромной каменной чаше, созданной специально для них. Автоматон сидел на бортике чаши, опираясь на камень руками и склонив голову набок.

Шандор невольно замедлил шаги, когда свет фонарей выхватил из мрака хрупкую девичью фигурку. Если бы не зеленоватая патина на бронзе, можно было подумать, что это живая девушка присела отдохнуть под пальмами. Обычно механики, работавшие над подобными машинами, ограничивались простыми масками, лишь в общих чертах повторявшими контуры человеческого лица – но доктору Меерштолю этого явно было мало. Скрупулёзно и дотошно

он создал полноценное лицо, не забыв даже несколько маленьких щербинок на щеках, словно оставленных перенесённой оспой, и крохотного шрама над верхней губой, слева.

– Да, это и правда настоящая скульптура, как и говорила мадам, – кивнул Лайош, рассматривая фигуру. Автоматон был полностью обнажённым, и в работе с телом его создатель приложил не меньше усилий, чем в работе с лицом. Если бы не тонкие линии подвижных суставов, говорившие о том, что фигура должна была при заводе выполнять какие-то действия, сидящую под пальмами девушку действительно можно было бы принять за одну из тех дриад или наяд, которыми ещё лет двадцать назад было модно украшать частные сады.

Шандор хотел было, как прежде с розами, провести кончиками пальцев по бронзовой «коже» автоматона, но, заметив, что Роберт с любопытством наблюдает за ним, с показным равнодушием отвернулся от фигуры.

– Они все сделаны так же тщательно? – спросил он.

– Все, – кивнул конюх. – И все голые. Во времена моей молодости такое посчитали бы непристойным, но теперь этим уж никого не застыдишь.

Лайош удивлённо взглянул на мужчину, которому на вид было лет пятьдесят, не больше.

– Мастер Роберт, но ведь во времена вашей молодости в парках вроде бы уже стояли статуи. Пусть там мрамор, а не бронза, но все эти нимфы, дриады, наяды…

– То статуи, – нахмурился конюх. – А эти… Они же прямо как живые. Не удивлюсь, если они должны были петь или даже танцевать.

– Но вы же были в синематографе? – улыбнулся Шандор.

– Шутить изволите, господин архитектор, – скорчил кислую гримасу Роберт. – Дело ваше. Только мне вечерами не хочется лишний раз проходить через оранжерею. Всё кажется, что они за мной наблюдают.

– Никогда бы не подумал, что вы суеверны, мастер Роберт, – заметил Шандор. Конюх насупился и больше не сказал ни слова.

Впрочем, когда они обошли всю оранжерею и увидели все расставленные в ней автоматоны доктора Меершталя, сыщик не мог не согласиться с тем, что в словах Роберта есть доля правды. Остальные фигуры были выполнены так же тщательно, и ни одна не походила на другие – комплекция, рост, цвет волос и глаз, не говоря уже про массу мелких деталей. Лайош всё больше убеждался, что такие подробные и точные копии можно создать либо при участии модели, согласной позировать для скульптора долгие часы – либо при наличии множества фотографий с разных ракурсов и с разным увеличением.

Всего в оранжерее оказалось одиннадцать автоматонов. Часть из них стояли, другие сидели, а одна механическая девушка даже лежала в небольшом прудике, будто он был её собственной купальней. У этой фигуры глаза были закрыты, голова откинута, расслабленные руки покоились на каменных бортиках искусственного водоёма.

– Ну уж эта точно не танцует, – заметил Шандор, пытаясь разговорить конюха, который всё ещё обиженно молчал.

Роберт, помедлив немного, на этот раз всё-таки решил поддержать беседу:

– Может быть, она должна нырять и выныривать.

– Может быть, – согласился сыщик. – Как же так получилось, что их не сумели завести?

Конюх пожал плечами.

– Не нашли ключа. Или ключей.

– Вы думаете, тут нужен не один ключ?

– Вы не заметили? – к Роберту вернулось прежнее добродушие. Он поманил «архитектора» и низко склонился над лежащим в прудике автоматоном.

– Что?

– Посмотрите на ухо.

Лайош присмотрелся и увидел, что в глубине ушной раковины, там, где у человека начинается наружный слуховой проход, у фигуры помещалась крохотная замочная скважина со сложной формы прорезью для ключа.

– И с другой стороны, – Роберт подсвечивал фонарём. Шандор убедился, что и во втором ухе имелась конструкция для завода, но сказать с уверенностью, были ли замки идентичны, сыщик не мог.

– Ловко сделано?

– Ловко, – согласился Лайош, задумчиво потирая переносицу. Насколько он был знаком с этим направлением механики, обычно создатели автоматонов ограничивались в своих фигурах лишь внешними атрибутами – голова, руки, ноги. Тело почти всегда представляло собой полость, в которой и помещался механизм, приводящий автоматона в действие. Поэтому заводные отверстия чаще устраивали сбоку или на спине фигуры, аккуратно пряча в складках одежды.

Но здесь одежды не было и в помине, а завод в ухе наверняка должен был сильно усложнять всю конструкцию с точки зрения проектирования и сборки. Даже если главный механизм помещался всё так же в корпусе, он наверняка состоял из очень мелких деталей, подгонка которых требовала массу времени, терпения и умения. Выходило, что доктор Меерштaль потратил годы своего затворничества на создание своих машин, и не было ничего удивительного в том, что он успел закончить только одиннадцать фигур.

– Что ж, благодарю за помощь, мастер Роберт. Дорогу в гостиную я найду сам.

Конюх поклонился и ушёл. Лайош ещё некоторое время стоял в одиночестве в оранжерее, затем осторожно прикоснулся рукой к автоматону, лежащему в прудике, и закрыл глаза. Несколько секунд сыщик стоял совершенно неподвижно, потом вдруг резко отнял руку от бронзового плеча и непроизвольно сделал шаг назад, чуть не влетев в ещё один куст черных роз.

Шандор стиснул пальцами виски и принялся их массировать, словно у него внезапно разболелась голова. Глаза сыщика, помутневшие и невидящие, как при «осмотре» тела на причале Гнилой Гавани, постепенно вновь становились осознанными, но с расширившимися от ужаса зрачками. Какое-то время Лайош стоял в оранжерее, приходя в себя. Затем медленно оглянулся сначала через левое, потом через правое плечо.

Дождь снаружи стих, и только изредка где-то в отдалении слышны были шлепки последних капель, скатывавшихся по стеклянной крыше. Лайош несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, восстанавливая спокойствие, поднял с пола свой фонарь и, подсвечивая себе, ещё раз внимательно осмотрел автоматона-наяду.

У девушки, с которой скопировали статую, был ярко выраженный восточный тип лица: маленький, чуть приплюснутый нос, высокие скулы, выразительная линия губ, резкий изгиб бровей. Шандор мельком подумал, что глаза у этой модели наверняка должны быть тёмными, почти чёрными. Он наклонился ниже, пытаясь сравнить формы прорезей для ключа в обоих замках, и заметил, что на шее автоматона в бронзу были впечатаны тонкие линии рисунка – татуировки, представлявшей собой какой-то замысловатый орнамент.

Сыщик попробовал слегка приподнять статую и, к своему удивлению, обнаружил, что весит она не так уж много – то ли внутри фигура была преимущественно пустой, то ли детали механизма были выполнены из какого-то более лёгкого, чем бронза, сплава. Лайош осторожно усадил автоматона в воде: татуировка, начинаясь от шеи, спускалась чуть ниже лопаток. Уложив статую обратно в прудик, Шандор принялся повторно осматривать остальных нимф и дриад.

У одной обнаружился небольшой, но хорошо различимый шрам внизу живота справа, у другой – двойные проколы на мочках ушей. Ещё одна фигура, изображавшая совсем юную девушку с серо-голубыми глазами и удивительно длинными ресницами, словно пряталась за

кожистым стволом какого-то тропического дерева. Взгляд этого автоматона выражал безмерный ужас, будто нимфа уже видела своего преследователя, и знала наверняка, что ей не спастись. На ногах у девушки оказалось не по пять, а по шесть пальцев.

Сыщик поколебался, но затем всё же коснулся плеча статуи ладонью, едва-едва тронув металл. Склонил голову и замер, погружаясь в себя. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Лайош очнулся и, растерянно моргая, посмотрел на бронзовую фигуру.

– Ничего не понимаю… – пробормотал он себе под нос. Потом, достав из внутреннего кармана маленький блокнот и металлический «вечный» карандаш, принялся быстро записывать.

«Осмотр подвала. Явственный запах и привкус крови, очень мощное ощущение ужаса. Напомнило скотобойню. Звуковое эхо неясное, шумы.

Осмотр оранжереи. Автоматон в пруду. Звуковое эхо: яростный, отчаянный крик. Полная иллюзия реального присутствия. Ощущение страха и гнева. Запах крови отсутствует, вместо него что-то химическое, плохо уловимое. Не определил.

Осмотр оранжереи. Автоматон с шестью пальцами. Звуковое эхо: плач. Ощущение безнадёги и тоски. Тоски по кому? Или чему? Запах крови отсутствует, имеет место тот же химический аромат, что и у первой фигуры. Точнее определить не получается».

Лайош направился к дверям, соединявшим оранжерею с западным крылом дома, и по пути ещё три-четыре раза остановился, касаясь то каменных вазонов, то стальных конструкций, удерживавших на себе вес стеклянных плиток. Прежде, чем покинуть оранжерею, он остановился на пороге и ещё раз достал свой блокнот. Там появилась единственная коротка строчка:

«На каменных и металлических элементах оранжереи никаких следов не ощущается. Звук, запах, эмоции – ничего. Вытирал руки платком и перепроверял. Стерильно чисто».

Он напоследок оглянулся, прислушался – и вышел, мягко прикрыв за собой тяжёлую створку остеклённой двери.

* * *

На четвёртом этаже здания Тайной канцелярии, в кабинете с видом на крыши, сидел – вопреки обыкновению, за рабочим столом – сюретер Ла-Киш, и читал отчёт о вскрытии тела Эвелины Санду. И чем дальше господин Ла-Киш продвигался в своём чтении, тем сильнее хмурились его брови. В конце концов, сюретер с каким-то яростным шипением, на мгновение сделавшим его похожим на муримура, швырнул отчёт на стол и, поднявшись из кресла, подошёл к окну.

С этим вскрытием с самого начала всё пошло наперекосяк. Сперва советник Санду, поддавшись мольбам убитой горем жены, наотрез запретил вскрытие и намеревался забрать тело дочери в тот же вечер, когда лично приехал в морг Канцелярии после звонка Ла-Киша. Понадобилось около получаса терпеливых уговоров вкупе с напоминаниями о том, что жертву убийства, согласно законам, будут вскрывать не зависимо от воли родственников.

Советник уступил – что в общем-то было не в его характере, но известие о смерти Эвелины, похоже, так подкосило господина Санду, что он был малость не в себе. Сюретер, не рискнув доверить дело штатному анатому, позвонил в университет, доктору Хаиму Гершу. Давний приятель Ла-Киша, он время от времени выполнял для него подобные задания, когда требовалась предельная точность и скрупулёзность в получении информации. Доктор Герш возглавлял колледж Святой Жозефины – лучшее в городе учебное заведение, готовившее медиков – но, как назло, его ждали из служебной командировки только на следующий день.

Наконец, спустя почти сутки, в течение которых господину Ла-Кишу пришлось дипломатично лавировать между семейством Санду и собственным начальством, вскрытие было выполнено. И результаты его совершенно не устраивали сюретера. Ла-Киш стоял у окна, перекатываясь с пятки на носок и обратно, и размышлял, но мысли путались, не желая выстраи-

ваться в логичные связные заключения. А что больше всего раздражало сюретера, так это упоминание о том, что в промежутке час-два до смерти жертва съела огромное количество какой-то выпечки – предположительно, песочного печенья.

Скрипнула дверь. Усталый доктор появился на пороге кабинета, поправляя пенсне на горбатом носу. Хаим Герш был среднего роста, не худой и не толстый, с огромной лысиной в обрамлении венчика курчавых волос, с моржовыми усами и с большими, вечно печальными глазами. Сейчас под мышкой левой руки у доктора была потёртая кожаная папка, а в правой – металлический подстаканник, в котором исходил паром стакан крепкого чёрного чая.

– Прости, что пришлось выдернуть тебя чуть не с поезда, – вздохнув, Ла-Киш присел на диванчик в оконной нише. Герш, не дожидаясь приглашения, уселся рядом, и протянул сюретеру свою папку.

– Не страшно. Тут фотоснимки и вторая копия отчёта, – он покосился на стол, где валялась первая копия. – Сдаётся мне, ты не слишком доволен?

– Ещё бы.

– Да уж. Дельце.

– Я полностью доверяю твоему мнению. Хотя сам понимаешь, как это всё выглядит.

– Молодая девушка из хорошей семьи объедается сладостями, затем отправляется на заброшенную пристань в трущобах. Раздевается донага, начинает валяться и барахтаться в старых сетях, и в итоге душит себя ими, попутно захлёбываясь теми самыми сладостями, – спокойным голосом на одной монотонной ноте пробормотал Хаим.

– И вот это я должен буду сообщить её отцу.

Доктор сделал глоток чая и глубоко вздохнул, выражая сочувствие.

– Советник Санду жаждет найти и наказать убийцу – или убийц – его дочери. Предположительно также её насильника – или насильников. А я завтра ему заявлю, что его дочь, похоже, просто рехнулась, и всё это проделала с собой сама. В отсутствие каких-либо свидетелей.

– Вообще-то, что касается насилия… – начал было Герш, но Ла-Киш устало махнул рукой.

– Знаю. Она не была девицей, и вступала в связь с мужчиной в день смерти.

– Я бы сказал, часов за пять-шесть до того, – в глазах Хаима мелькнул огонёк интереса. – Ты знал об этом ещё до вскрытия?

– Да. Этот «насильник» – её ухажёр. Сидит у нас в камере.

– Ааа… Быстро работаете.

Сюретер искоса взглянул на приятеля, но ничего не сказал.

– Ты мог бы сообщить советнику, – осторожно заметил Герш, – что есть причины подозревать отравление, но что ты не можешь, исходя из интересов следствия, раскрывать подробностей. В конце концов, это ведь правда. Судя по расширенным зрачкам, в организме девушки всё-таки было некое вещество. Возможно, это оно стало причиной случившегося, – доктор с досадой хлопнул себя ладонью по колену. – Эх, будь я вчера в городе!

– Скажи, а это могла быть эйфория? – как бы мимоходом поинтересовался Ла-Киш. Хаим, снова принявшийся за чай, даже поперхнулся.

– Эйфория? – он на секунду-другую задумался, потом пожал плечами. – Почему нет. Только тогда это была какая-то дьявольская эйфория. Ведь насколько человек должен быть не в себе, чтобы проделать такое, и главное – довести до конца.

Глава 6. Вопрос принципа

– Может быть, это всё-таки плод воображения мадам Ульм? – Виола покосилась на шагавшего рядом с ней сыщика. Шандор шёл, засунув руки в карманы и погрузившись в свои мысли, похожий на мрачную нахохлившуюся птицу. Он не сразу расслышал вопрос секретарши, так что девушке пришлось повторить своё предположение.

– Нет, – покачал головой Лайош. – Во-первых, вы ведь сами вчера вечером видели тень.

– Я не совсем уверена, что именно я видела. И видела ли вообще.

– Видели, – заверил её сыщик. – А, во-вторых, я теперь точно знаю, что с этим домом всё далеко не так просто, как кажется.

– Почему?

– Обычно камни стен не пахнут кровью.

Девушка запнулась, словно каблучок её сапога попал между булыжниками мостовой. Шандор машинально протянул руку и подхватил Виолу под локоть, помогая удержать равновесие.

– Кровью? – нерешительно поинтересовалась она. – То есть… буквально?

– Не совсем. Речь не о том, что кто-то вымазал в крови стены. Это скорее ощущение.

– Что-то вроде того, что вы проделали в день нашего знакомства? Когда сказали, что я всё ещё пахну морем?

Сыщик рассеянно кивнул. Он смотрел куда-то вдоль улицы и хмурил брови, явно пытаясь ухватить некую ускользающую мысль. Однако мысль всё-таки сбежала, и Лайош, вздохнув, взглянул прямо на Виолу:

– Да, вроде того.

– Откуда вы узнали, что я с побережья?

– Но я же вам сказал – вы пахли морем. Даже сейчас ещё пахнете, хотя уже едва уловимо.

– Вы настолько чувствительны к запахам? – в голосе мадемуазель Энне слышалось любопытство. Она прекрасно выспалась минувшей ночью, поскольку ни голоса, ни тени, ни звуки больше не потревожили хозяйскую спальню Роуз-Холла. Сыщик, напротив, всю ночь разгуливал по дому, и не сомкнул глаз.

– Это не обоняние в прямом смысле, – пояснил Шандор. – А что-то вроде эха прошлого. Образы, иногда чёткие, иногда смутные. Не только запахи, но и вкус, звуки, изредка осязание.

– Как вы это делаете?

– Понятия не имею, – пожал плечами Лайош. Поймав обиженный взгляд Виолы, сыщик устало улыбнулся. – Честное слово, понятия не имею. У меня это было всегда, сколько себя помню. С возрастом я научился сосредотачиваться, отсеивать постороннее – то, что окружает сейчас. Может быть, это способность управлять какой-то особой энергией, которую мы ещё не открыли и не изучили. Может быть, просто каприз природы, которая время от времени создаёт что-нибудь необычное. Может быть, это и вовсе неизвестная болезнь, или дефект у меня в мозгу.

Девушка с тревогой посмотрела на Шандора, и тот успокаивающе коснулся её руки.

– Я пошутил. Это не болезнь, и этому невозможно научить. Оно просто есть, и пока мне не встречались люди, которые могли бы проделывать то же самое. Думаю, всё-таки можно с большей или меньшей уверенностью списать всё на причудливую игру природы.

– Так вот откуда у вас репутация, о которой говорила мадам Ульм, – задумчиво заметила Виола. Лайош снова легонько улыбнулся и рассеянно потёр указательным пальцем переносицу.

– Верно. Правда, я не посвящаю клиентов в такие подробности. Они ждут от меня результатов, а как эти результаты будут получены, не должно их волновать. Кроме того, ни один суд не примет во внимание какие-то там ощущения. Так что после моих «осмотров» работа, по

сути, только начинается. Нужно превратить ощущения в факты и доказательства, найти причины, приведшие к конкретным последствиям.

– Такое чувство, что для вас прошлое более живое и реальное, чем настоящее.

– Наверное, в каком-то смысле так оно и есть. Прошлое прорастает в настоящем, создаёт его. Прошлое – то, что уже случилось, и чего изменить нельзя, но с его последствиями мы сталкиваемся прямо сейчас, и прямо сейчас у нас есть шанс на перемены.

– Вы в самом деле думаете, что у нас есть этот шанс? – тихо спросила девушка, явно думая о чём-то своём.

– Уверен. Мы не всегда умеем разглядеть его, не всякому удается воспользоваться своим шансом. Но он есть.

Они в молчании пошли дальше, и только когда свернули на бульвар Северной Башни, мадемуазель Энне спросила:

– А когда вы почувствовали, что Роуз-Холл пахнет кровью?

– Когда осматривал дом вместе с Робертом.

– Почему же ничего не сказали мне?

– Чтобы вас всю ночь мучили понапрасну кошмары?

– Только потому, что я…

– Нет, не потому, что вы женщина. Я вовсе не считаю прекрасный пол слабее или трусливее. Но вас подвело бы ваше воображение.

– Моё воображение? – она остановилась, растерянно глядя на собеседника. Сыщик тоже остановился, спокойно встретившись взглядами с девушкой.

– Ваше воображение, – повторил он.

– Вы его тоже «унюхали»?

– Отчасти. Как, по-вашему, пахнет воображение?

Девушка чуть приоткрыла рот, но не нашлась, что сказать.

– Я ведь говорил, что вы нам подходите. Только не нужно думать, будто я способен «прочесть» вас или любого другого, словно открытую книгу. Это не так. Но я вполне способен составить себе представление о человеке, и, разумеется, составил представление о вас. Мне по душе то, что я «унюхал», – последнее слово Шандор выделил голосом, и Виола почувствовала, как вспыхнули от смущения её щеки. – Впрочем, бывает, что я ошибаюсь. Но редко.

Мадемуазель Энне поёжилась – утро после ночного дождя было сырым и промозглым, и по небу всё ещё низко плыли плотные серые тучи.

– Вы сказали «о человеке». А о дракониде? Или муримуре?

Шандор коротко фыркнул и снова потёр указательным пальцем переносицу.

– Знаете, ваше любопытство – как раз из тех качеств, что мне по душе. Да, и о них тоже.

* * *

– Тебе стоило бы поспать, – заметил Абекуа, когда Шандор, закончив рассказывать о своём исследовании поместья Роуз-Холл, откинулся в кресле и устало прикрыл глаза.

– Наверное. Чуть позже. Равири, можно тебя попросить?

Драконид состроил недовольную гримасу и демонстративно скрестил руки на груди.

– Нельзя.

– Не жадничай.

– Я не жадничаю, я всего лишь забочусь о твоём здоровье. Раз ты сам не в состоянии. С этой штукой шутить не стоит.

– С какой? – поинтересовалась Виола, занимавшаяся разбором документов в папках под литерой «К».

– На моей родине это растение называют ашша. Порошок из его корня используется как стимулятор, – пояснил Равири, продолжая недовольно поглядывать на сыщика. – При частом

употреблении вызывает привыкание. В больших количествах может привести к судорогам или сердечному приступу. Не дам, – закончил он, снова глядя на Шандора. Тот махнул рукой.

– Ладно, ладно. Ты прав. Мадемуазель Энне, могу я попросить вас приготовить кофе? Только покрепче.

– Конечно.

– Итак, – Лайош вытянул руки на столе перед собой и сцепил пальцы в замок. – Равири, ты займёшься архивами. Доктор Меерштaль наверняка в них есть – об аварии первого фуникулёра писали все газеты. Если вдруг попадётся информация по истории Роуз-Холла, тоже будет не лишней. Девять из десяти, что мы имеем дело с последствиями жизни там доктора, но и этот единственный маленький шанс тоже исключать нельзя. Хотя, – Лайош нервно сжал пальцы, – с трудом могу представить, каким должно быть событие, чтобы запах крови после него сохранился сто лет или дольше. Так что скорее всего это именно Меерштaль.

– Затворник-убийца? – задумчиво поинтересовался Вути.

– Не знаю. Не обязательно убийца, в конце концов, это могла быть кровь животных.

– Ты сам в такое предположение не веришь, – оскалился муримур.

– Не хочу гадать, – отмахнулся Шандор. – Пока Равири будет работать с архивами, ты можешь найти для нас механика?

– Решил исследовать автоматонов?

– Верно. Нам нужен мастер. Это настоящие шедевры, вряд ли клиентка скажет спасибо, если повредим статуи. И притом молчаливый мастер – мы сами толком не знаем, что ищем и что можем найти.

– Под второе условие могу подыскать только кого-то из своих, – категорически заявил Абекуа.

– Хорошо, – согласился Лайош. – А я пока займусь делом Эвелины Санду.

– И с чего вы думаете начать? – поинтересовалась Виола, ставя на стол перед сыщиком кружку с горячим кофе.

– Пройду по тому пути, каким она шла в день гибели. До момента их встречи с Абрахамом Тропсом. И попробую узнать у Ла-Киша, как продвигается расследование у Канцелярии.

– Вряд ли он будет делиться с тобой такой информацией, – с сомнением заметил Равири.

– Вряд ли, – устало кивнул Шандор. – Но если я найду что-нибудь, что можно будет предложить взамен…

В дверь конторы постучали. Драконид крикнул: «Входите!» – и на пороге появился мальчишка. Это был обычный уличный оборвыш, на вид не старше десяти лет. Босоногий, в подвёрнутых холщовых штанах и растянутом мужском свитере, также подвёрнутом, и подвязанном куском бечёвки. На голове у мальчишки была выцветшая и рваная, с треснувшим козырьком, кепи морского пехотинца. Бледно-голубые глаза на чумазой физиономии с интересом обежали всех присутствующих, и не без некоторого нахальства остановились на сыщике.

– Вы будете господин Шандор?

– Я.

– У меня для вас послание.

– Давай.

Мальчишка подошёл к столу и положил перед Лайошем листок с отпечатанным на машинке текстом.

«Милостивый государь!

Из газет мне стало известно, что у Вас оказались вещи Джима Хорна. Мы с Джимом были давними приятелями, и мне бы хотелось сохранить память о нём. Если при старине Хорне были какие-то деньги – можете оставить их себе в качестве компенсации за беспокойство, и как подтверждение моих честных намерений. Простите за такой способ связи, но и у меня, и у Джима были в прошлом кое-какие проблемы с законом, поэтому я посчитал лучшим не

являться лично, чтобы не компрометировать Ваше агентство таким визитом. Вещи можете передать с мальчиком.

С уважением».

– Интересно, – Шандор осмотрел листок со всех сторон, но подписи не было. Потом посмотрел на мальчика. – Кто дал тебе письмо?

– Мужик какой-то, – пожал плечами оборвыш.

– А где?

– Возле «Петуха и колокола».

– Это паб, всего четыре квартала отсюда, – пояснил Равири Виоле.

– А куда он потом пошёл?

– Да никуда, – мальчишка поддёрнул край выбившегося из-под бечёвки свитера. – В паб зашёл.

– Сможешь его описать?

– Ну… Здоровый такой. Красномордый, с бакенбардами. Брови сросшиеся.

– Ещё что-то?

– А что мне за это будет? – поинтересовался мальчишка, со скучающим видом рассматривая потолок.

– Лови, – муримур кинул ему монету.

– Другое дело. У него на пальцах – карты.

– Карты?

– Ага. Масти.

Трое мужчин настороженно переглянулись Мадемуазель Энне спросила:

– Что это за карты на пальцах?

– Тюремные татуировки, – задумчиво произнёс Шандор. – Впрочем, письмо как раз этого не скрывает. Значит, так, – сыщик достал из кармана и продемонстрировал мальчику ещё одну монету. – Скажи этому господину, что вещи покойного Хорна мы можем отдать только тому, кто точно опишет, какие это вещи. Если не хочет приходить – пусть позвонит. Или снова пришлёт тебя, с описанием.

Оборвыш ухмыльнулся, схватил монету и в миг исчез за дверью.

– Абекуа, а у этого Хорна были татуировки на пальцах? – поинтересовался Равири.

– Нет, – уверенно заявил муримур.

– Ты мог и не заметить…

– Я видел его руки, когда он отдал мне бумажник. Руки как руки, безо всяких там мастей.

– Ну, это ещё ни о чём не говорит, – отозвался из-за своего стола прихлёбывавший кофе Лайош. – Может быть, Хорну не сделали наколок, а его приятель, возможно, рецидивист со стажем. Всякое бывает. Вот только зачем было печатать письмо на машинке?

– Чтобы нельзя было узнать отправителя по почерку? – предположил Равири.

– Но если отправитель не хотел, чтобы я узнал его почерк – стало быть, я знаю этого отправителя.

Некоторое время в конторе молчали, размышляя над словами Шандора. Звонок телефона, внезапно прозвучавший в этой тишине, показался чересчур резким и громким. Виола потянулась было к аппарату, но Лайош покачал головой и ответил сам.

– Господин Шандор?

– Слушаю.

– Мальчик передал мне ваш ответ. Я не знаю, какие вещи были у Джима в момент гибели, но я хотел бы забрать их все.

– Я могу отдать вещи либо тому, кто подтвердит своё родство с покойным, либо тому, кто точно опишет эти вещи. Вы должны понимать, что такую претензию необходимо чем-то подтвердить.

– Я могу подтвердить её финансово. Сто крон будет достаточно?

– Нет.

– Понимаю. Пятьсот?

– Не уверен, что понимаете.

– Тысяча?

– Милостивый государь, я ведь вполне доходчиво объяснил, как обстоит дело. Это вовсе не вопрос денег.

– Вопрос принципа. Что ж, это ваш выбор.

Шандор ещё секунду-две вертел в руках замолчавшую трубку, потом аккуратно положил её на рычажки телефона.

– Всё интереснее и интереснее. За вещи покойного Хорна только что предложили тысячу крон.

Абекуа хмыкнул. Равири нахмурился. Виола, снова занявшаяся папками с документами, удивлённо посмотрела на Лайоша:

– Тысячу крон за старый бумажник?

– В том-то и дело, что звонивший предложил тысячу крон, не зная, что именно попало к нам в руки.

– Не нравится мне это, – заявил драконид.

– Мне тоже, – присоединился Вути.

Шандор молча встал, подошёл к их сейфу и открыл его. Покопавшись внутри, сыщик извлёк продолговатую шкатулку из потемневшего дерева, поставил её на свой стол и откинул крышку. Внутри на зелёном потёртом бархате лежали два массивных девятизарядных револьвера с гранёными стволами. Сыщик ещё раз заглянул в сейф, и достал шкатулку поменьше, с патронами.

– Абекуа, механик пока что отменяется. Я сейчас съезжу к Харрису, куплю что-нибудь для мадемуазель Энне.

– Что происходит? – Виола не понимающе смотрела, как муримур с мрачным видом взял один из револьверов и принялся заряжать его.

– Если человек с тюремными татуировками предлагает тысячу крон за нечто, чего он даже в глаза не видел – у этого человека должен быть очень веский повод назначать такую высокую цену. Значит, обладание этим предметом для него куда важнее денег. Значит, он не остановится ни перед чем, чтобы заполучить желаемое, – спокойно пояснил Равири. Драконид извлёк откуда-то из под крышки своего стола и положил перед собой двуствольный обрез охотничьего ружья.

– Мадемуазель, вы умеете стрелять? – поинтересовался Шандор.

– Стрелять?!

– Стрелять.

– Я не буду стрелять в человека! – Виола, побледнев, отступила на шаг.

– А я вас об этом и не прошу. Но хотя бы в воздух, для острастки, вы сможете выстрелить? Многим такого намёка будет вполне достаточно, к тому же на выстрел обязательно сбегутся констебли.

– Я никогда не держала в руках оружия, – призналась мадемуазель Энне. Лайош вздохнул, прилаживая на пояс найденную в одном из ящиков стола кобуру.

– Не страшно. Вути вас научит. Я куплю для вас что-нибудь из дамских моделей, маленькое и не слишком тяжёлое, чтобы помещалось в сумочку.

В дверь забарабанили. Равири и Абекуа среагировали моментально, взяв на прицел вход, но Шандор предупреждающе поднял руку. В дверь забарабанили снова, и знакомый голос громко позвал:

– Лайош! Какого лешего?! Вы тут? Лайош!

Обрез драконида и револьвер муримура тут же исчезли, словно их не было. Сыщик подошёл к двери и открыл: на пороге стоял сюретер Ла-Киш в сопровождении пары констеблей.

– Добрый день, господин сюретер.

– Какое там, – Ла-Киш, не дожидаясь приглашения, вошёл. Констебли втиснулись следом. Один из них настороженно посмотрел сперва на драконида, с карандашом в руке склонившегося над каким-то листком с заметками, затем на муримура, наполовину скрытого развёрнутой газетой.

– Что-то случилось?

– Случилось, – сюретер остановился в центре помещения, медленно обвёл взглядом весь состав «Зелёной лампы». – Приветствую. Господин Те Каеа. Господин Вути. Мадемуазель?

– Мадемуазель Виола Энне, – представил девушку Лайош. – Наша новая секретарша.

– Очень приятно. Господин Шандор, мне нужно, чтобы вы поехали со мной.

– Когда?

– Сейчас, – Ла-Киш с такой силой стиснул свою трость, что побелели костяшки пальцев. Шандор с интересом смотрел на это: господин сюретер явно был в бешенстве, что с ним случалось крайне редко.

– Куда мы едем?

– В особняк советника Эшту-Кальво.

Видя, как на глазах мрачнеет лицо сыщика, сюретер с недовольной гримасой кивнул:

– У нас ещё один труп.

* * *

Дорогой читатель!

Большое спасибо за уделённое время! Надеюсь, книга оставила приятное впечатление.

А если захочется отвлечься от тайн, убийств и опасностей, могу предложить твоему вниманию другой свой роман: «Кофе по понедельникам» (18+).

Это история про Него и про Неё. Про Город и кофе, про то, как время всё расставляет по своим местам, и как первый луч солнца заглядывает утром в окно. Это история об одиночестве, которое хорошо в меру, и о тоске, которая делает ярче последующее счастье. О любви, которая порой ранит больнее всего, и о том, что правильные вещи иногда просто случаются.

Это история о том, как важно не отступать от своей мечты, и о том, что каждый человек проживает миллионы крохотных жизней, разделённых мгновениями «до» и «после». В конце концов, это история ещё и о том, что же случается после – с чувствами, с Городом и с человеком, встречающим свой самый важный рассвет.

Читать тут: https://www.litres.ru/72808902/

Глава 7. За миг до смерти

Господин советник Теодор Эшту-Кальво в ширину был больше, чем в высоту, и походил на типичного добряка-повара: щёчки-яблочки, нос картофелиной, абсолютно лысая голова и большие оттопыренные уши. В его внешности было на первый взгляд даже что-то трогательное и беззащитное, и казалось странным, почему этот человек одет не в белую куртку и колпак, а в строгий серый сюртук.

Но стоило чуть внимательнее присмотреться, и можно было заметить, что в маленьких щёлочках глаз советника кроется взгляд отнюдь не добрый, но цепкий, холодный и расчётливый. Что его губы над тройным подбородком навсегда изогнула гримаса пренебрежения, стерев даже саму память о добродушной улыбке. И что единственное блюдо, которое страстно любит готовить этот «повар» – его недруги в собственном соку.

Советник сидел за огромным письменным столом, сделанным из дерева кете и стоившим целое состояние, и нетерпеливо барабанил короткими толстыми пальцами по столешнице. Если смерть дочери и произвела на него какое-либо впечатление, внешне это никак не отразилось. Галстук был аккуратно завязан и сколот булавкой с крупным алмазом, ещё более крупный алмаз блестел в массивном персте на мизинце правой руки. Не забыл советник и про петличку: её украшала веточка сирени. Такие веточки выпускали только несколько городских аптек – чтобы навсегда запечатлеть цветок на пике его красоты, требовались продолжительные сложные манипуляции, и выдержка в нескольких специально подобранных составах. Вечно цветущая мёртвая красота, последний писк моды у высшего света города.

– Господин советник, если вы не намерены позволить нам осмотреть тело и место происшествия, зачем тогда вы звонили в Канцелярию? – Ла-Киш сидел в кресле для посетителей, положив на колени свою трость. Лайош, которому кресла не предложили, стоял чуть позади сюретера.

– Звонил не я, а жена, – голос у Теодора Эшту-Кальво был низким, басовитым, будто вдруг заговорила пустая бочка. – Я же вовсе не уверен, что ваше присутствие здесь необходимо.

– Почему? – позволил себе включиться в разговор Шандор.

Советник бросил недовольный взгляд на сыщика и поинтересовался у Ла-Киша:

– Для чего здесь он?

– Господин Шандор – мой независимый консультант.

– Консультант?

– Именно так.

– Проныра и ищейка, – без обиняков буркнул Эшту-Кальво. Сюретер улыбнулся – так мог бы улыбаться волк, ненароком демонстрируя клыки.

– Это наша работа – искать и находить.

Советник поморщился, пожевал губами, но промолчал. Потом, поразмыслив, спросил:

– Вы считаете, это было убийство?

– Я должен сначала произвести осмотр. Невозможно делать какие-либо выводы только на основании услышанного. Могу лишь заверить вас, что все процедуры будут выполнены в соответствии с законом и максимально деликатно. Я захватил с собой своих лучших констеблей.

– Дуболомы, – прокомментировал советник.

Глаза Ла-Киша недобро полыхнули. Сюретер чуть склонил голову набок, словно ему вдруг стало страшно интересно повнимательнее рассмотреть собеседника. Щёлочки заплывших глазок господина Теодора встретились со взглядом Ла-Киша. Толстые пальцы перестали барабанить по столу. Советник вдруг заёрзал в кресле, отвёл взгляд и нехотя пробасил:

– Я буду присутствовать при осмотре. Я буду решать, станут ли ваши констебли обыскивать комнату Беатрис, и что именно там можно будет обыскивать, а что – нет. И я буду решать, как именно поступить с найденным – если вы, разумеется, что-либо отыщете.

– Разумеется, господин советник, – голос Ла-Киша был спокойным и даже вкрадчивым, однако господин Эшту-Кальво заёрзал в кресле ещё сильнее. Потом с трудом поднялся и прошёл к двери – но не главной, через которую слуга провёл гостей в кабинет, а к небольшой боковой, ведущей во внутренние покои дома.

– Сюда.

* * *

Покои Беатрис Эшту-Кальво запросто могли бы включить в себя два-три домика из тех, в которых ютилась городская беднота. В особняке, в плане похожем на букву «Ш», дочь советника имела в своём распоряжении левое крайнее крыло, с окнами на восток и юг, и с видом на ухоженный парк имения. Центральное крыло занимала супруга господина Теодора, а правое крайнее – он сам.

Тело обнаружила горничная, когда утром явилась разбудить молодую госпожу и помочь ей одеться к завтраку. Беатрис Эшту-Кальво утонула в собственной ванной, и если бы не звонок истерически рыдающей матери в Канцелярию, ни Ла-Киша, ни Шандора не было бы сейчас в поместье.

Вопреки самоуверенному тону и категоричным заявлениям, сделанным в кабинете, господин Теодор не вошёл в ванную комнату. Он остался в спальне, остановившись в нише окна и рассеянно разглядывая лужайки своего парка. Ла-Киш наполовину прикрыл за собой дверь, и тут же услышал тихий шёпот Лайоша:

– Вы думаете, этот случай связан со смертью мадемуазель Санду?

– Я пока ничего не думаю. Но две девушки из высшего света, погибшие за одну неделю – это уже многовато. И я хотел бы сразу узнать, если между их смертями есть что-то общее.

– Мятное печенье?

Ла-Киш покосился на дверь: советник теперь расхаживал по спальне, под грузными шагами поскрипывали доски пола.

– Именно, – кивнул сюретер.

– Вы не хотите рассказать подробнее?

– Непременно. Когда закончим здесь. Сколько времени вам нужно?

– Не больше пяти минут. Вы можете пока занять господина Эшту-Кальво?

Ла-Киш вышел в спальню и до Лайоша донёсся его спокойный голос, задававший какие-то уточняющие вопросы. Затем тихо прожужжал электрический звонок: кто-то нажал на кнопку, и теперь в комнатах прислуги в мансарде должен был заливисто звенеть колокольчик. Видимо, в спальню вызывали горничную, обнаружившую тело.

Шандор опустился на одно колено возле огромной бронзовой ванны. В ней всё ещё была налита вода, а под водой, сантиметрах в десяти под поверхностью, лежало обнажённое тело Беатрис с широко раскрытыми глазами. Лайош легонько провёл пальцами по бортику ванны и ощутил корочку, оставленную мыльной пеной. Затем положил на бронзу ладонь, и некоторое время прислушивался к своим ощущениям, прикрыв глаза – но металл оставался холодным и совершенно безучастным.

Вздохнув, сыщик снял пальто и сюртук, положил их рядом с собой на пол. Затем аккуратно подвернул рукав рубашки и опустил руку в воду, остановив ладонь в миллиметре-двух от тела. Вода была холодной, и по коже тут же побежали мурашки. Глаза сыщика, как прежде на причале, быстро мутнели. Голова склонилась на грудь, тело начала бить мелкая дрожь. Шандор дышал глубоко и при этом очень часто, как будто с каждым вдохом силился, но всё никак не мог набрать достаточно воздуха. Дрожь стала сильнее, глаза закатились вверх, он невольно

подался вперёд – и ладонь, скользившая под водой над телом погибшей девушки, коснулась трупа.

Шандор отдёрнул руку так резко, словно ванну вдруг заполнил кипяток, и отпрянул назад, неловко плюхнувшись на пол. По счастью, в спальне в этот момент господин Теодор за что-то распекал явившуюся на вызов горничную, и всплеск воды за прикрытой дверью или не услышали, или не обратили на него внимания. Судорожно сглатывая, Лайош сидел на полу, бессмысленно рассматривая мокрую руку. Мелкая дрожь, сотрясавшая Шандора, отступала понемногу, будто нехотя. Потом он медленно поднялся, взял лежащее на этажерке возле ванны полотенце и тщательно вытер с кожи холодные капли. Отвернул рукав рубашки, надел сюртук и пальто – и лишь после этого решился снова взглянуть на тело. Тёмные глаза сыщика несколько мгновений всматривались в безжизненные глаза мёртвой девушки. Наконец, Лайош тихо произнёс:

– Мне очень жаль.

Дверь в ванную комнату открылась, внутрь заглянул Ла-Киш.

– Господи Шандор, я собираюсь допросить горничную. Не желаете послушать? А парни тем временем займутся осмотром помещения.

За спиной сюретера маячили его секретарь и четыре немолодых констебля с серьёзными сосредоточенными лицами. Позади них, в нише окна, стоял советник с недовольной гримасой на лице.

* * *

– Что скажете?

Из-за шума колёс кэба по булыжникам мостовой собеседникам приходилось наклоняться друг к другу практически вплотную. После осмотра покоев Беатрис Эшту-Кальво сюретер отправил обратно в Канцелярию констеблей и секретаря. Констебли, дождавшиеся труповозку, забрали с собой тело погибшей. Секретарю было поручено доставить прямо в кабинет Ла-Киша изъятые дневники и письма.

Когда господин Теодор попытался возражать, сюретер отвёл его в сторону, и с минуту или две что-то тихим шёпотом объяснял на ухо. Лайош подозревал, что Ла-Киш прибег к своему главному аргументу: рассказал о деле Санду. После этого удивлённый советник уже не возражал ни против изъятия бумаг, ни против вскрытия, ни против того, чтобы сюретер прямо из его кабинета позвонил доктору Гершу и попросил того немедленно приехать в морг Канцелярии.

– Скажу, что это точно мятное печенье.

Ла-Киш хмыкнул.

– Это я и так знаю.

– Значит, я вам не нужен, – попытался устало пошутить Шандор.

– Не забывайтесь. Вы можете сказать, тут было то же самое, что на пристани?

Сыщик задумался. Потом отрицательно покачал головой.

– Нет. Похоже, но не совсем то же самое. Девушка съела мятное печенье незадолго до смерти, съела его немало, но не так, как мадемуазель Санду. Та словно обезумела. А тут… Ну, я бы сказал, что так можно есть печенье за чаем, или за бокалом вина.

– Горничная сказала, что госпожа велела приготовить ванну около одиннадцати часов вечера. И подать в комнату чай и терновую настойку. Но никаких сладостей она не заказывала, – напомнил сюретер.

– Значит, сладости были уже у неё, – предположил Лайош.

– В дом ничего не доставляли, из кухни в тот день в комнату госпожи ничего не приносили.

– Бросьте, Гарольд. Вы ведь не хуже меня понимаете, что это мятное печенье не пекли в доме. Ну а касательно того, что в дом ничего не доставляли… Уверен, любой из слуг или

домочадцев Эшту-Кальво знает ни один способ пронести что-нибудь в дом или из дома, и так, чтобы про это не узнали другие.

– Согласен, – Ла-Киш задумчиво барабанил пальцами по набалдашнику трости. – Что-нибудь ещё?

Шандор, скрестив руки на груди, какое-то время молчал, будто раздумывая, говорить или нет. Потом спросил:

– Давайте сначала вы мне расскажете, что показало вскрытие Эвелины Санду? Кстати, кто его проводил?

– Доктор Хаим Герш, – Ла-Киш усмехнулся, видя, как удивлённо вскинулись брови сыщика. – Да, я решил не рисковать.

– И что сказал достопочтенный доктор?

– Что с большой вероятностью в печенье было какое-то вещество. Но какое именно – установить не удалось. Возможно, в этот раз нам повезёт больше, всё-таки прошло не так много времени с момента смерти. К слову, вы совершенно правы – Эвелина Санду словно обезумела. Она съела столько этой дьявольской выпечки, что её начало рвать как раз тогда, когда она изображала из себя запутавшуюся в сетях русалку.

– То есть?.. – Лайош ошарашенно потёр шрамы на своей переносице.

– То есть она сама это с собой сделала. Задушилась в сетях и одновременно захлебнулась. Что было первично – в общем-то уже не важно.

– Действительно, уже не важно… – задумчиво откликнулся сыщик. Сюретер покосился на него, затем легонько ткнул набалдашником трости в бок.

– С каких пор вы стали ходить при оружии?

– Что? – рассеянно отозвался Шандор, всё ещё погружённый в свои мысли.

– Я спрашиваю, какого лешего вы нацепили кобуру? К слову, что у вас там?

– Девятизарядный «Даву». Насколько мне помнится, законы не запрещают иметь личное оружие.

– Вы кого-то боитесь?

– Нет. Я просто предусмотрителен.

– Ну-ну, – Ла-Киш отвернулся к окошку. Кэб, выбравшись из квартала Сен-Бери с его безлюдными бульварами и прячущимися среди огромных парков особняками, теперь катил по улочкам Дубового Холма, вдоль которых тесными рядами выстроились трёхэтажные домики под островерхими черепичными крышами. – Надеюсь, что ваша предусмотрительность не имеет никакого отношения к нашему делу.

– Совершенно никакого, – заверил его Шандор. – Скажите, Гарольд, а ваши констебли пробовали отыскать место, где Эвелина Санду могла купить мятное печенье?

– Конечно.

– И?

Сюретер безнадёжно махнул рукой.

– Дорогой Лайош, даже с вашим подробным отчётом о слежке, которую вы вели за мадемуазель, а потом за ней и господином Тропсом, это бесполезная затея. Вы ведь сами сказали, что единственное заведение, которое посетила убитая – «Флора», где они с кавалером встретились за ланчем. Мы были там.

– И там не подают мятного печенья, – закончил сыщик.

– Именно что. Там, правда, подают миндальное, кокосовое и имбирное, а ещё предлагают мятный чай, но это явно не то, что нам нужно. И если даже мадемуазель после того, как они с Тропсом расстались в тот день, вернулась по своим же следам обратно – в округе не меньше десятка кафе, бистро и кофеен, куда могла зайти приличная девушка, не вызывая любопытных взглядов.

– Вряд ли это вас остановило.

– Не остановило. И знаете что? Ни в одном из этих заведений не подают мятного печенья. Более того, в ближайших пекарнях его также не готовят.

– Любопытно, – задумчиво протянул Лайош. – Не думал, что у нас это такая редкость. Кстати, господин Тропс уже сознался в убийстве?

– Нет, – мрачно проворчал Ла-Киш.

– И что теперь?

– Посидит неделю в «тёмной».

– Не слишком ли жестоко для человека, который, возможно, невиновен?

– Ему надо было думать несколько раньше. До того, как спутываться с дочерью городского советника.

– А вы его спрашивали о том, как вообще завязалось это знакомство?

– Спрашивал. Господин Тропс уверяет, что это мадемуазель проявила к нему интерес.

– И?

– Что – «и»? Вы его видели. По-вашему, такое возможно?

– Ну, у всех свои вкусы и предпочтения, – заметил Шандор.

– Возможно. Но я всё больше склонен согласиться с вашими словами. Во всём этом есть что-то неправильное, – Ла-Киш повертел в пальцах трость, потом вздохнул. – Придётся проверять все возможные связи обеих девушек. Знакомых, друзей. У меня хватало забот с одним советником, а теперь они насядут вдвоём.

– Сочувствую вам.

Сюретер усмехнулся. Потом вдруг повернулся к сыщику и спросил:

– Может, дело в воде?

– Что-что?

– Вода. Эвелину Санду нашли на пристани. Беатрис Эшту-Кальво в ванной.

– Но Эвелина ведь не утонула. Она вообще не касалась воды. И потом, мы живём в одном из крупнейших портов мира, тут везде вода. Вы полагаете, что вещество, о котором говорил доктор Герш, вступает в реакцию с водой?

– Пожалуй, нет, – подумав, ответил Ла-Киш. В голосе сюретера проскользнули нотки разочарования.

– Хотя теория интересная.

– Не будем списывать её со счетов. Впрочем, возможно, присутствие воды – лишь совпадение. Однако какая-то связь между этими событиями должна быть. И я не склонен считать ни первую, ни вторую смерть случайностью или самоубийством. Кто-то позаботился об особой добавке для мятного печенья и о том, чтобы оно попало в руки жертв. Это убийство, а значит, у него должен быть мотив. И убийца, скорее всего, всё ещё где-то там, в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.